

АНАТОЛИЙ БОЧАРОВ

Легенда о Вращающемся Замке

Анатолий Бочаров

Легенда о Вращающемся Замке

«Издательские решения»

Бочаров А.

Легенда о Вращающемся Замке / А. Бочаров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906932-0

Странный воин по имени Гэрис Фостер возвратился с порога смерти и скрывает немало тайн. Не меньше секретов у его оруженосца, мальчишки по имени Дэрри Брейсвер. Герцог Эдвард Фэринтайн пытается спасти королевство Эринланд, стоящее на краю гибели, — а чародейка Кэран Кэйвен желает этим королевством править. Все их судьбы переплелись с судьбой Вращающегося Замка, воздвигнутого волшебниками древности. Они помнят — согласно легенде, тот, кому принадлежит этот замок, обретет власть над всем миром.

ISBN 978-5-44-906932-0

© Бочаров А.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава первая	8
Глава вторая	17
Глава третья	27
Глава четвертая	40
Глава пятая	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Легенда о Вращающемся Замке

Анатолий Бочаров

© Анатолий Бочаров, 2022

ISBN 978-5-4490-6932-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Фрэнсису Квирку

*Дорогой друг и коллега,
твоя поддержка и помощь неоценимы.
Я посвящаю тебе свою первую изданную книгу,
с пожеланиями успеха и удачи во всех делах.*

Пролог

Ясное весеннее солнце отражалось от наконечников копий, играло бликами на латах. Многотысячная армия неторопливой стальной змеей ползла по древней дороге, проложенной в незапамятные времена. Налетавший порой ветер развеивал знамена, с вышитым на красном поле свирепым белым быком. Воедино сплетались конское фырканье и людской говор.

Русоволосый статный мужчина, облаченный в тяжелые панцирные доспехи, ехал во главе войска, окруженный знаменосцами и герольдами. Он был молод, и в глазах его, упрямо разгораясь, блистал огонь войны. Сильные пальцы то и дело касались рукоятки меча.

– Будет славная драка, – сказал он, улыбаясь. – Вот увидишь, Гилмор. Эти псы подавятся своей вшивой шерстью. – Русоволосого мужчину звали Хендрик Грейдан, и был он королем государства Эринланд. Хендрик лишь недавно вступил на трон, наследуя умершему от старости отцу. – Мы загоним мерзавцев в самое глубокое пекло, – сказал король, горяча коня.

– Это уж непременно, – кивнул его спутник. Он был так же молод, как и Хендрик, и ехал по правую руку от него. – Настала пора поквитаться с Клиффом за все, – у говорившего были платиновые, белее снега волосы, а черты лица выдавали эльфийскую кровь.

– Добрые слова, – согласился Хендрик. – Не знаю, чтоб я делал без тебя, Гилмор. Слушал бы занудные речи твоего младшего брата.

Полуэльф усмехнулся:

– Ты бы казнил его в первый же день, я уверен. Эдварда сложно терпеть слишком долго.

– Это уж верно. Сколько он отговаривал меня от этого похода! Я думал, прикажу отрубить ему голову, и запущу ею в сторону гарландских рубежей. Как же осточертел весь этот благоразумный вздор, – Хендрик скривился.

Была середина весны, и Хендрик Грейдан, лишь недавно увенчанный короной эринландских королей, выступил войной против сопредельного государства Гарланд. Много лет уже Эринланд и Гарланд пребывали в затяжной вражде, тянувшейся не меньше столетия, и настало время, сказал Хендрик, покончить с врагом навсегда. Решение короля горячо поддержал Гилмор Фэринтайн, его кузен и наследник, сопровождавший его сейчас. А вот младший брат Гилмора, сэр Эдвард, долго пытался остудить воинственный пыл Хендрика, уверяя, что неприятельская армия сейчас сильнее, и война с Гарландом неминуемо приведет к поражению. Хендрик обозвал сэра Эдварда трусом и не пожелал даже слушать.

– Ты мой лучший союзник во всем, Гилмор, – сказал Хендрик кузену, отгоняя дурные мысли. – Если Кэмерон не родит мне сына или если я погибну в предстоящем сражении – клянусь небесами, ты станешь достойным государем.

– Не стану, – ответил Гилмор. – Я имею в виду, не стану потому, что никто из нас не погибнет в этом бою. Ни я, ни ты, ни даже Эдвард, я надеюсь на это.

– Ну, по поводу смерти Эдварда я бы особо не горевал, – признался король. – Но и в самом деле, зачем нам лишние смерти в своих рядах? Пусть лучше умирают наши враги.

Хендрик немного помолчал, смотря куда-то вдаль, словно старался заглянуть за вечно ускользающую линию горизонта.

– Скажи мне, брат мой Гилмор, – промолвил король наконец, – мы же останемся для потомков героями, славу которых будут воспевать менестрели?

– Непременно останемся, – пообещал Гилмор Фэринтайн. – Мы храбры и отважны, а следовательно, кем нам еще быть, помимо героев?

– Надеюсь на это, – пробормотал Хендрик. – Что ж, тогда вперед! Поехали к славе, что не померкнет веками, – и он прищипорил коня, отправляя его в лихую скачку. Гилмор немного поколебался, а затем последовал за ним.

Как показало время, честолюбивым замыслам эринландского владыки не суждено было сбыться. Поход, начатый Хендриком, завершился сокрушительным разгромом и гибелью половины собранного королем войска. Эринландская армия, как и предвещал сэр Эдвард, оказалась вдребезги разбита. В середине лета был подписан мирный договор, согласно которому Хендрик уступал Клиффу Рэдгару, королю Гарланда, часть собственных приграничных графств. Также он отсылал победителю богатые дары – золото, оружие и меха.

Оба короля, Хендрик и Клифф, встретились на мосту над рекой Твейн. Говорили, что Хендрик Эринландский явился на встречу, будучи мрачнее тучи, однако на словах оставался учтив с победителем. Он даже поклялся тому в вечной дружбе.

Молодой и гордый, Хендрик чувствовал в тот день, что весь мир обратился против него. Вместо славы героя он обрел славу короля, проигравшего свою первую войну.

Ибо за две недели до тех переговоров на реке Твейн состоялась битва. То было последнее сражение, оказавшееся решающим. Шло оно четыре дня. В начале каждого из этих четырех дней и в его же конце небо плакало кровью, глядя на поле боя. Кто-то из сражавшихся в той битве совершил немало подвигов и погиб, как герой. Кто-то просто погиб. Наверно, окажись здесь менестрели, они бы назвали эту битву великой. Но менестрелей здесь не было. Только солнце, бьющее сквозь дыры в знаменах, да бурлящее на каждом шагу густое людское варево – что-то кричащее, беспокойное, безумное.

Когда много дней спустя король Клифф обнимал при встрече короля Хендрика, у последнего едва не треснули ребра. «Не приводи больше своих людей, – сказал Клифф Хендрику так тихо, что лишь они двое и слышали эти слова, – не приводи больше своих людей, иначе тебе не найдется, кем править». Но об этом Хендрик не рассказал никому – ни боевым товарищам, ни любимой жене, которой обычно доверял все свои тайны.

Поредевшее войско возвратилось назад. Высоких лордов ждали их жены и подрастающие сыновья, рыцарей помоложе ждали соскучившиеся за вышиванием невесты, да и простых воинов, наверное, тоже кто-нибудь да ждал. А не вернувшимся с войны – вечная память. Да только памятью не будет сыт даже мертвый.

Настала осень, и вышло так, что вслед за живыми в стольный город явился кое-кто из мертвецов.

Глава первая

Бесприютный странник возвращался домой. Заканчивался последний день его долгого путешествия. Поднялся он еще затемно – растолкал трактирщика, потребовал сготовить завтрак, перекусил и вскоре после того пустился в дорогу. Ехал шагом, не торопясь. Временами дремал в седле. Мимо проезжали повозки – проплывали, словно рыбы, плывущие в морских глубинах. Утром накрапывал дождик, пришлось завернуться в плащ и накинуть капюшон. Был шестой день октября. Уже минул Мабон, с его кострами в полях и опавшими листьями, но до Самайна оставались еще три недели. Смутное время. Время, когда тени удлиняются и крепнут.

Сейчас этот угрюмый, немного сонный всадник называл себя именем Гэрис. Сэр Гэрис, если вдаваться в подробности. Это не было его настоящим именем – но мы будем называть героя нашего повествования именно так, по крайней мере до поры до времени. От роду ему было меньше, чем три десятка зим, но огрубевшая обветренная кожа лица, щетина по щекам и жесткий взгляд делали его старше. Челюсть у него была крепкая, волосы густые и черные, плечи широкие, а руки могучие. Эти руки привыкли обращаться с копьем и мечом.

Проклятый дождик все никак не унимался.

Раньше Гэрис не обратил бы на этот противную морось ни малейшего внимания – он спокойно проехался бы с непокрытой головой хоть даже сквозь летний ливень. Раньше он бы не ехал по тракту шагом, а промчался по нему галопом, оставляя за спиной ветер. Впрочем, какой смысл рассуждать о том, что было раньше? Собственное прошлое теперь вспоминалось ему очень смутно и казалось и вовсе никогда не существовавшим. Он забыл почти все, за исключением нескольких очень важных вещей. Эти вещи Гэрис, напротив, помнил очень хорошо.

Хотя и мечтал забыть.

Наконец дождь закончился.

В стороне от дороги работала ярмарка – яркие пятна шатров и шум толпы. От первого болели глаза, от второго – голова. Голова гудела, а в глазах плясали злые огненные искры. Прежде Гэрис любил день больше, чем ночь, а теперь от яркого света приходилось щуриться. Он провел много дней в подземелье, почти не видя солнечного света, и до сих пор не до конца осознавал, что выбрался оттуда. Он не был там пленником, всего лишь гостем – но иногда грань между этими понятиями очень тонка.

Когда ярмарка кончилась, по обе стороны от тракта потянулись предместья. Тут уж волей-неволей пришлось вынырнуть из полусна и начать оглядываться по сторонам. Гэрис изучал не сами окрестности, чего в них интересного – черепичные крыши да изгороди с плющом, сто лет назад были такими, и сто лет спустя не изменятся. Нет, он приглядывался к людям, пытался найти на лицах прохожих что-нибудь подходящее к случаю – беспокойство, страх, недовольство, злость. Находил, но не больше, чем обычно. Люди всегда о чем-то беспокоятся, чего-то боятся и на кого-то злятся, но это были не те злость и страх, которых он ожидал.

Около городских ворот пришлось задержаться – стражники проверяли купеческий караван, телегу за телегой, на предмет не указанных в описи товаров. Осмотр занял много времени, достаточно для того, чтобы Гэрис успел испытать нетерпение. Он никогда не любил ждать, больше того, почитал ожидание худшим из ниспосланных человеку испытаний. Легче переносить избиение или пытки, нежели терпеть, покауда они начнутся. Легче умереть, чем сидеть сложа руки. Вот и сейчас Гэрис накручивал на кулак поводья, борясь с желанием прищипить коня и проехаться прямо по чужим головам. Нельзя. Сейчас – никак нельзя, пусть даже и хочется. Он не для того ехал сюда сквозь все эти дни, чтобы оказаться в конце концов брошенным в тюремную яму.

По прошествии почти получаса очередь дошла и до Гэриса. Стражники встретили его подозрительно, задали вопросов вдвое больше обычного и пропустили, лишь содрав двойную пошлину. Двойную – ввиду ношения оружия, каковым оружием были признаны меч на поясе да пара кинжалов. Назовись Гэрис дворянином, никто и не подумал бы требовать с него денег за проезд, но дворянином он называться не стал. Сначала следовало купить рыцарские доспехи и нарядное платье. К счастью, сложностей с этим не будет, благо и золота, и серебра на руках имелось в избытке.

Миновав ворота, Гэрис оказался на торговой площади, где, как и всегда по этому времени, было многолюдно и шумно. Вокруг толкался, затрудняя продвижение, всякий встречный люд. Ремесленники пополам с купеческими приказчиками, а также крутящиеся вокруг рыночных рядов зеваки. Дорогу ему, понятное дело, уступать никто не спешил. Еще бы – простая темная одежда, никаких бархата, мехов, украшений. Толпа не замечала его. Это было непривычно и немного злило. Не настолько, впрочем, злило, чтоб начать давить копытами прохожих.

Когда площадь осталась позади, замощенная выщербленной брусчаткой улица повела вверх по склону холма, мимо несчетных домиков и домишек, поначалу одноэтажных, затем щеголяющих вторым, третьим этажами и даже чердаком. Гэрис ехал вдоль всевозможных лавок, наподобие тех, где можно купить топор, молоток или гвозди, приобрести жестяную сковороду или починить сапоги. Проезжал он мимо складов, в которых хранились, ожидая своей поры, бочки с вином или еще не проданная пушнина. Мимо домов терпимости, с фасадами, украшенными непристойными вывесками и мимо кабаков, с дверьми, что всегда распахнуты для готового напиться сброда. Мимо, мимо, мимо – вперед и вверх.

Город, по которому он ехал, звался Таэрверн, и был он сердцем страны Эринланд. Древний и одновременно юный, веселый и злой, стольный город ничуть не изменился с весны, когда Гэрис был тут в последний раз, уходя на войну.

Все оставалось здесь таким, как и прежде. Уличные прохожие спешили туда и сюда по своим неотложным делам, и их суeta, казалось, отражала вечное течение жизни. Улыбались на весь свет молоденькие девушки и беззубые старухи – и одновременно с этим из окон прямо на улицу выливались помои, густые и смрадные. Выводил легкомысленную песенку одноногий нищий, рассеявшийся – экий наглец! – прямо на крыльце скобяной лавки. Болтались на виселице какие-то бедолаги, один в сером рванье, другой в набедренной повязке, оба безнадежно мертвые. Продавала душистые, яркие букеты цветов набросившая столь же яркую шаль торговка – «купите роз для вашей возлюбленной, сэр! для самой славной возлюбленной в мире!». Молодые парни в заломленных на ухо беретах избивали ногами такого же, как они, парня, только без берета; а какой-то худющий типчик дергал прохожих за плечи, предлагая перекинуться прямо тут в карты.

Глядя на все это непотребство, Гэрис понял, что улыбается – впервые за много месяцев, широко и от всей души. В черном плаще, потертом и порванном, на черном коне, усталом и недовольном, сэр Гэрис из Ниоткуда плыл сквозь кричащее человеческое море, и улыбка никак не хотела покидать его лицо. Он впервые за много, много времени чувствовал себя – нет, не живым, не прежним, не настоящим, но просто хотя бы каким-то. Чувствовал себя человеком, собирающимся в самом скором будущем совершить нечто значительное. Он пришел сюда, чтобы перевернуть вечный Таэрверн вверх дном.

Вперед, вперед, вперед – а впереди встают за крышами новые крыши, еще более высокие, мчатся по собственным следам флюгера, а за ними – поднимаются стены Верхнего Города с подпирающими небо колоннами исполинских башен, а за ними – замки великих лордов, еще более огромные, потрясающие воображение, а за ними, на самой вершине холма и мира – королевская цитадель, крепость внутри крепости, место, в которое Гэрису требовалось попасть. И он туда попадет, непременно, это уж без всяких сомнений. У него получится. Он аж приустал в стремени, когда увидел замок, и почувствовал, как сжимаются кулаки.

До Верхнего Города Гэрис, впрочем, доезжать не стал – свернул за десять кварталов, приметив памятный переулок. Под копытами коня тут же зачавкала дорожная грязь вперемежку с помоями. Гэрис поморщился и поднял воротник повыше. Он почти и забыл, как грязно бывает в больших городах.

Впереди показался трактир – тоже памятный. В прошлом Гэрис нередко бывал здесь. Дым тогда стоял коромыслом, а луна на небе была молодой и звонкой. Гэрис выругался, заводя коня во двор.

Направо – конюшня, налево – колодец, а прямо перед глазами – крыльцо. На крыльце, на верхней ступеньке, сидел рыжий как лиса парень, лет шестнадцати или семнадцати на вид, и ковырялся ногтем в зубах. Гэрис спешился, легко взбежал по ступенькам и схватил мальчишку за шиворот.

– Эй, дядька, какого черта? – голос у рыжего оказался высокий, почти девчачий. Гэрис свободной рукой залепил ему пощечину:

– А вот такого. Нечего подметать ступеньки задницей, здесь люди ходят. Как бы я через тебя перешагивал, дубина? Ты тут работаешь? Или просто ждешь, когда пнут? Живо напои моего коня, отведи в стойло, помой и задай сена. Потом приду проверю. Не сделаешь – убью, – для убедительности Гэрис двинул мальчишку кулаком под ребра и лишь тогда отпустил. Парень ругнулся – не подумавши, очевидно, не успев подумать, что положено бояться – и скатился вниз. Выпрямился. Вскинул злое, побледневшее лицо. Зеленые глаза сверкнули сквозь переплетение рыжих прядей:

– Можете не сомневаться, любезный сударь – я пригляжу за вашим конем. Пригляжу по всей чести, – голос, вопреки вежливым словам, тоже был злым.

– Проверю, – повторил Гэрис и бросил мальчишке медную монетку. Гэрис не сомневался, что тот не станет ее подбирать. Такие, как он, молодые петушки никогда не принимают подачек. Ну еще бы, как можно унижаться, как можно гнуть спину... Однако парень все-таки склонился – до самой земли – и поднял из уличной грязи медный кругляш. Странно... А, впрочем, дворовой босяк – он дворовой босяк и есть. Не придворный же, в самом деле.

Гэрис толкнул дверь и шагнул в трактирную залу. Переступил через порог – и тут же метнулся в сторону, припал спиной к стене, потому что кто-то швырнул прямо в дверной проем тяжелую пивную кружку. Кружка ухнула во двор и где-то там разбилась. Раздался взрыв хохота – многоголосый, весельчаков собралось никак не меньше четырех. Гэрис прищурился, оглядывая дымный полумрак – кто же это здесь любит кидаться посудой в честных людей? Ага, вон та компания в самом центре зала. Сдвинули два стола, расселись и теперь просто излучают хмельное веселье. Гэрис двинулся прямо к ним.

– Братец! – окликнул его из-за стола парень в синем кафтане, лет тридцати на вид, отсалютовав ножом. – Я тебя, смотрю, едва не пришиб! Впредь будет наукой – рот не разевай, когда заходишь в приличные места!

Наверно, этот бедняга просто крепко напился. Ну или же по жизни был редкостным дураком. Гэрис не знал точно, в чем причина подобной наглости – в недостатке ума или в переизбытке выпивки. Значения это, впрочем, особенного не имело. Гэрис распахнул свой плащ и быстрым, ловким движением выхватил меч. Отшвырнул ногой стоявший на дороге стул и приставил острие клинка к горлу оказавшегося излишне веселым горожанина.

– Проси у меня прощения, – сказал Гэрис.

Глаза у незадачливого гуляки сделались очень большие, очень трезвые и очень испуганные. Он не ожидал такого. Ну конечно, никак не ожидал.

– Проси прощения, – еще раз сказал Гэрис, сжимая рукоять меча покрепче. Одно движение – и во все стороны хлынет кровь.

– Эй, мужик, да ты никак слегка рехнулся, – сказал кто-то из сидевших за столом.

– Я тебе не мужик. Я – благородный рыцарь. А этот жалкий смерд, которому место на виселице, оскорбил меня словом и делом. Будь я справедлив, я бы вырвал ему паскудный язык и выжег глаза. А потом бы еще, глядишь, оскопил для острастки, – Гэрис был зол, и не особенно задумывался над словами. – Но я не справедлив, я, к счастью для вас, милосерден. Мне достаточно будет простого извинения, чтобы забыть подобную дерзость. Так что пусть эта скотина встанет на колени и попросит прощения. И я успокоюсь. Ну же, убогий, – вновь обратился Гэрис к человеку, у чьего горла держал меч, – не испытывай больше мое терпение. И оно имеет предел.

Невольный обидчик Гэриса весь мелко дрожал. Лицо его побелело.

– Сэр рыцарь... Господин мой, я нижайше прошу прощения, не извольте сердать. Я простой мастеровой. Перебрал немного по глупости, вот и ударил хмель в голову. У меня жена и две дочери. Не будьте ко мне суровы.

– Я, кажется, приказал тебе встать на колени, мразь. Почему ты еще этого не сделал? А ну живо!

Гэрис сделал шаг назад, чуть отведя оружие, но не опуская его. Человек, пятью минутами ранее едва не расшибивший ему голову, поднялся из-за стола – Гэрис успел заметить, что ладони у него мокрые – и медленно опустился на дощатый пол. Остальные посетители трактира настороженно молчали. Ведь Гэрис назвался рыцарем, а какой же дурак осмелится встать у рыцаря на пути.

– Милорд, молю о пощаде. Я и не подумал, что знатный господин может вот так просто зайти сюда, к нам.

– А вот впредь думай, шелудивый пес. И благодари меня, что научил уму-разуму, – Гэрис пнул так неудачно нарвавшегося на него мастерового сапогом в живот, посмотрел, как тот закашлялся, сгибаясь втрое – и отвернулся.

Гэрис ничуть не боялся получить себе в спину нож. Никто из сидящих здесь отродясь не осмелился бы на подобное. Они все были разумными людьми, в конце-то концов. У всех собравшихся здесь выпивох, разом пугливых и дерзких, имелся дом, в который им хотелось вечером вернуться, целыми и невредимыми, и любимые занятия – а любимыми занятиями, конечно же, дорожишь. Еще у этих людей наверняка были семьи, за которые они стояли в ответе.

«И вот поэтому, – подумал рыцарь, – ни у одного из этих бедняг никогда в его жизни не случится ни замка, ни богатства, ни титулов, и все они отойдут на тот свет теми, кем и родились. То бишь вшивым сбродом из трущоб. Именно потому, что не согласны рисковать собой, отстаивая дурацкую честь. А вовсе не ввиду отсутствия благородных предков. Грейданы тоже поднялись некогда из простого народа – а как высоко взлетели. Хочешь что-то получить – сперва все потеряй».

Спустя несколько минут Гэрис уже сидел за грязным столом, обедая. Мясо здесь прожаривали неплохо, да и пиво можно было пить, не отплевываясь. Гэрис был голоден и охотно бы съел сейчас целого кабана. Или целого человека. Так что на пищу он набросился с жадностью.

Люди, чье безудержное веселье Гэрис нарушил, уже ушли – почти сразу после преподанного им урока. В дверях один из них обернулся и посмотрел на Гэриса. Тот посмотрел в ответ. Горожанин пожал плечами и вышел. После этого в трактирной зале стало на некоторое время тихо, а вскоре после того вновь сделалось шумно – пришла новая компания, вроде какие-то цеховики. Сюда только цеховикам и ходить, дыра она и есть дыра. Зато здесь имеются свободные комнаты, и довольно дешевые.

Гэрис снял себе спальню. Сегодня нужно будет покрепче выспаться, а завтра, перее все прочих занятий, подобрать крепкие доспехи, а также хороший тарч, так называлась популярная в те годы разновидность рыцарского щита, и длинное дубовое копьё. И начать тренировки. Чем скорее он вспомнит, как делаются такие дела, тем лучше все пройдет. Прошлым вечером

Гэрис несколько часов разминался с мечом и заметил, что тело уже почти вернулось в хорошую форму.

От размышлений Гэриса отвлек давешний парень со двора – тот, рыжий. Уселся прямо напротив и подпер рукой подбородок.

– Ты почистил моего коня?

– У вас не конь, а бешеный пес. Два раза меня лягнул. Да, я его почистил.

– Молодец, – сказал Гэрис равнодушно. – А теперь встань и сгинь.

Парень вставать не захотел. Вместо этого он подался вперед и сказал совсем тихо и очень серьезно:

– А знаете, есть одна девушка, она работает в этом трактире. У нее черные волосы до самого пояса, густые и шелковистые, а глаза горят так, будто в них пылает огонь. И когда я слышу ее голос, у меня от волнения порой отнимается язык. Я хочу сделать ей какой-нибудь подарок. Она этого заслуживает, уж поверьте. Но у меня совсем нет денег. Ну, для ярмарки нету. Я вот думаю, а не заработать ли мне немного.

– Ну так пойди и заработай, – Гэрис взялся за кружку и задумался, не выплеснуть ли ее содержимое надоедливому юнцу в лицо. – Кто тебе мешает? И зачем ты рассказываешь все это мне?

– Да потому, – рыжий дурашливо улыбнулся, и вся его серьезность бесследно пропала, – что я хочу заработать вот прямо на вас. Эй, погодите, я вовсе не задумал вас ограбить! – крикнул он, видя, что Гэрис положил руку на эфес. – И побираться тоже не собираюсь. Я ведь совсем про другое. Благородный сэр, вот скажите... вы, предположим, воевали?

– Не твое собачье дело.

– Хорошо. Вот, скажем, вы воевали, и были у вас в войске такие разведчики. Они смотрели, где стоит неприятель, и потом про это докладывали. Чтобы войско никогда не натолкнулось на неприятеля случайно... Ну, вот. Я буду вашим разведчиком.

Гэрис отхлебнул из кружки. Он уже догадался, что скажет сейчас этот рыжий проныра. Не догадался бы только самый последний дурак. Ну ладно, пусть все будет так, как будет, это даже к лучшему. Значит, за околицей трактира его поджидают будущие мертвецы. С таких мертвецов не снимешь ничего особенно ценного, но зато можно вспомнить, что такое хорошая драка.

– Я видел, – продолжал меж тем рыжий, – как прямо отсюда недавно вышли угрюмого вида ребята. Злые как черти. Шли через двор и ругались. Ругались на какого-то небом проклятого подлеца. Я почему-то решил, они это про вас. А потом они остановились в воротах и начали совещаться. Мне стало интересно, сами понимаете. Я любознателен от природы. Поэтому я лег за телегой и подслушал. Они сговорились встать на выходе из переулка, подождать, пока разозливший их господин выйдет, и прикончить его. Понятное дело, я тут же отправился сюда. Спросил Стефи, что тут стряслось веселого за мое отсутствие. Ну, она сразу ткнула в вас пальцем и сказала – стряслось у нас вы. Не скажу, что от вашего вида меня пробивает на смех, но те парни на улице дожидаются вас, это точно.

– Как тебя зовут? – спросил Гэрис.

– Дэрри.

– Что за дурацкое имя?

– А я что, сказал, это мое имя? Я сказал, что меня так зовут. Мое имя – Гледерик.

Надо же, Гледерик. Словно у дворянина.

– Гледерик... – задумчиво повторил Гэрис. Собственный язык во рту казался ему слегка отяжелевшим. – Мне вот интересно, – сказал он, – кто дал уличной швали такое благородное имя. Тебе бы родиться Джо или Стивом – это вышло бы для тебя в самый раз. А какой ты, к кобелиной матери, Гледерик? – Парень прищурился. Вот теперь он, пожалуй, был не просто зол – он был в бешенстве.

– Послушай меня внимательно, Дэрри, – продолжал Гэрис, сделав еще один могучий глоток и не обращая на это бешенство никакого внимания. – Я и так предполагал, что те люди потребуют с меня долг. Если б они на это не решились, они бы вовсе были не людьми, а последней дрянью. Но выходит, кишка у них не совсем тонка. Пусть даже они готовы драться со мной только всей толпой. Но они будут драться, а не опускать глаза. Это хорошо. Я приму их вызов и убью их всех. Я ждал чего-то подобного, так что ты меня не удивил. А раз ты меня не удивил, то и грошей тебе за твой донос никаких не причитается.

Гэрис допил кружку и грохнул ею об стол. Этой, пожалуй, будет вполне достаточно сейчас, и следующей просить не надо. Хмель уже сделал его разговорчивым – но не успел еще затуманить разум. «Как странно, – подумал Гэрис. – Прежде бедняки не были такими наглыми. Уж не война ли и разгром поселили в их сердцах злость?»

– Что до твоей девушки, – сказал рыцарь напряженно смотревшему на него мальчишке, – могу дать один полезный совет. Никогда не трать на женщин звонкую монету. Тратить деньги на женщин – себе ничего не останется. Что касается этой барышни, наплети красивых слов, соври, что ты сбежавший из дома сын лорда и что дома тебя ждет наследство, как только вернешься, наобещай ей с три короба жемчугов, и поверь, сможешь из нее хоть веревки вить. Поверь, так выйдет дешевле.

Юноша встал.

– Оставьте свой совет для себя, сэр рыцарь, – сказал он. – Как мне поступать, я решу как-нибудь сам.

Гэрис посмотрел на Дэрри очень внимательно, изучая его лицо. Красивое, в общем-то, лицо, правильное. Большие зеленые глаза, длинные, почти девичьи ресницы, высокий лоб, прямой, как рукоять меча, нос, заостренный узкий подбородок.

– Ты не просто уличный клоп, – сказал Гэрис. – Откуда ты взялся? Чей ты?

Дэрри усмехнулся, одними губами.

– А вот здесь вы ошибаетесь, сэр рыцарь, и очень серьезно. Я – уличный клоп, и ничего большего. До свидания, сэр. Когда будете убивать своих врагов, не поскользнитесь в грязи. – Он отвернулся и пошел прочь, почти побежал к выходу. Стремительные движения, прямая как гвоздь спина. Однако же, как интересно. Пожалуй, имелась здесь определенная занятность, и в иных обстоятельствах можно было бы даже потратить немного времени, пытаясь узнать, что это за наглец такой и откуда выискался. Впрочем, обстоятельства сейчас такие, что просто не до того. Сейчас мы будем убивать. Потому что надо. И потому что хочется.

Гэрис поднялся со скамьи и проверил, хорошо ли меч выходит из ножен. Меч выходил из них вполне хорошо. Что же, прекрасно. Рыцарь скинул с себя плащ и бросил его на скамью – там, на улице, плащ будет только помехой.

На дворе уже совсем стемнело. Это тоже порадовало Гэриса – в темноте его глаза видели куда лучше, чем на ярком свете. И ни одна тень не была для него преградой. Вокруг было совершенно безлюдно. Рыжий проныра, должно быть, опять спрятался под телегой? Если Гэрис правильно оценил мальчишку, тот обязательно попробует поглядеть, как все пройдет. Даже несмотря на обиду. Или все же нет? А, да какая разница, будто это важно. Потом узнаем.

Гэрис вышел со двора и направился к выходу с переулка – походкой подвыпившего человека, иногда спотыкаясь, иногда размахивая руками. Он старался не переиграть – каким бы сбродом не были те мужики, пьяниц они видели каждый вечер, и на неуклюжую игру не купятся. Но где же они затаились? Реши Гэрис устроить тут засаду, он бы поставил людей за двумя бочками, выставленными у крыльца склада; за телегой напротив и за углом двухэтажного дома, выходящего фасадом на противоположную улицу. Больше нигде. Ну что ж, проверим, как сработали сегодняшние смертники. Страшно не было, как не было страшно никогда. Было интересно. Хотелось узнать, как именно все произойдет.

Сработали они именно так, как Гэрис и прикидывал. Двое бросились на Гэриса из-за бочек, стоило ему пройти мимо них. Еще трое выбежали из-за угла. Выбежали с криком, и сделали они это совершенно зря, потому что какой же дурак станет кричать в темноте. Впрочем, двигайся они даже совершенно бесшумно, он все равно заметил бы их.

Гэрис выхватил меч и сделал два шага назад, отступая к стене. Принял на лезвие удар топора, высвободил оружие и проткнул нападавшему насквозь горло. Тут же выдернул меч, вновь отступил, отвел удар кинжала, пнул еще одного идиота ногой в промежность и снес ему голову с плеч. Сталь чиркнула по локтю – это достал Гэриса один из противников. Ничего страшного в этом, впрочем, не было – левый локоть не правый, и уж тем более не колено и не бедро. Зато своего неприятеля Гэрис именно в бедро и уколол, заставив того с воплем отшатнуться. Проход обратно к трактиру оказался открыт, туда рыцарь и отступил, увлекая за собой двоих противников. Третий, с раненой ногой, держался позади. Воспользовавшись полученным для маневра пространством, Гэрис развернулся и располосовал ближайшему из врагов живот – а затем выбил топор у второго из рук и разрубил ему туловище ударом с плеча.

Когда оба атаковавших упали к ногам Гэриса, он переступил через них, направляясь к последнему из противников. Тот как раз пробовал проковылять к выходу из переулочка, но не успел – был убит прежде, чем дошел до угла. Гэрис поразил его длинным выпадам в спину, а потом высвободил свой клинок, залитый кровью по самую рукоять. Вся драка заняла не больше двух минут, и он даже не начал уставать. Это радовало.

Но, бес их всех задери, за тем столом в трактире сидело шестеро, так куда подевался шестой? Выйдет совсем не до смеха, если он побежит докладывать городской страже и опишет приметы нападавшего. В Нижнем Городе обычно всем плевать на смертоубийство, и никто, обнаружив эти тела в канаве, не стал бы вести в трактире допрос, откуда они тут взялись. Но если найдется выживший свидетель, что обратится к закону – получится нехорошо. К тому же, он может обратиться к своей гильдии, и та захочет отомстить. Запоздало рыцарь подумал, что возможно все-таки хмель и злость сыграли с ним дурную шутку. Если придется, он ответит, что напали на него первыми, но отвечать лишний раз не хотелось.

Гэрис обернулся, осматриваясь по сторонам – и услышал вдруг раздавшийся из-за телеги крик.

– Этот парень был настолько труслив, что как-то даже неловко, – сказал Дэрри, подходя к Гэрису. В руках мальчишка держал окровавленный кинжал. – Он не захотел с вами драться. Ну я подумал – пусть тогда подерется со мной. Не уходить же ему отсюда живым.

Сэр Гэрис из Ниоткуда смерил рыжего еще одним внимательным взглядом – а потом вложил меч в ножны, выбил у парнишки оружие и наотмашь ударил его по лицу. Схватил за шиворот и прижал к стене. Зеленые глаза оказались совсем близко. Очень спокойные глаза. Дэрри, кажется, совсем не боялся.

– Зачем ты это сделал? – спросил рыцарь. – Зачем ты убил моего врага?

– А что, нельзя было? Вы не говорили, что нельзя.

– Голова твоя пустая, ты что, совсем идиот? Какого дьявола ты лезешь в это все? Ты решил втереться ко мне в доверие?

Дэрри улыбнулся.

– Ваша правда. Да, я втираюсь к вам в доверие. Рассказал вам о засаде, убил вашего врага. Хорошо же втираюсь, правда? Мне очень нужны деньги, вы помните, а ради денег я на все готов. Милорд, разрешите мне сказать еще одну вещь, – голос паренька сделался вежливым, почти елейным. – По словам Стефи, вы назвались рыцарем. Я охотно в это верю. На рыцаря вы действительно похожи. И конь у вас прилично подкован, и меч хороший есть... а вот доходов никаких нету. И оруженосца нету. Нехорошо вам, милорд, на войне пришлось? Не знаю, много ли у вас с собой денег, может и немного. Может, с вас взять нечего. Но вы благородного

звания, а значит, летаете высоко. Я тоже хочу подняться немного выше, чем это дно. Возьмите меня к себе на службу. Как видите, я умею приносить пользу.

– Мечтаешь о подвигах? – Гэрис тоже улыбнулся.

– Я совсем кретин, по-вашему? Нет, я не мечтаю о подвигах. Просто... Как бы вам объяснить... – Дэрри замолчал. Поднял голову и посмотрел наверх, на небо, где уже загорались, складываясь в узоры, звезды. Молочная дорожка протянулась от одного горизонта к другому. Она казалась рекой, по которой можно плыть – наполнив тугие паруса лунным ветром. – Знаете... – сказал он наконец. – Мне здесь совсем не нравится. Я обычно сплю в конюшне, на соломе. Иногда на кухне, там очаг, тепло... но утром, когда просыпаешься, по одежде бегают тараканы. Не люблю тараканов. Еще блевотину не люблю, а ей здесь все пропиталось. Вот одна радость, мне нравится Стефани. Она правда хорошая, я насчет этого не врал. Но она сама работает с утра и до ночи, и что такой, как я, могу предложить ей? А владетельные лорды спят на очень мягких постелях и едят с золотой посуды. И одежда у них хорошая. Я вот думаю, если я стану вашим оруженосцем, может я потом и дворянином стану? Пусть не владетельным лордом, но хотя бы сквайром. Я знаю, что смогу тогда отсюда вырваться и сделаться кем-то еще, не тем, кто я есть сейчас. Для меня это много значит. Если вы примете мою службу, вам не придется об этом пожалеть.

Гэрис выпустил воротник Дэрри и отступил на шаг. Мальчик казался очень серьезным и совершенно искренним, но Гэрис прекрасно знал, как похожи ложь и правда на вид и как сложно их различить. И все же в том, что юноша говорил, имелся свой резон. Искать оруженосца все равно придется, а чем этот хуже любых других? Не похоже, чтоб он был хуже.

– Дэрри, скажи на милость. Ты разглядел, как я дерусь? Что ты об этом думаешь?

– Как деретесь? Ну... Неплохо деретесь. Уложили пятерых. Они были не бойцы, и вооружены скверно, но зато темнота... Да, вы хороший воин.

– Рад, что ты это понял. Так вот, если ты меня предашь – я тебя обязательно убью, и ничего ты с этим не сделаешь.

– Хорошо, я учту. То есть... – Дэрри помедлил. – Вы меня берете?

– Сейчас увидишь. Становись на колени.

Мальчик немного поколебался, а потом опустился прямо в смешанную с лошадиным навозом осеннюю грязь. Но преклонил он только одно колено, а вовсе не два. И сделал это настолько изящно, словно выказывал уважение чужеземному королю. Гэрис вытащил меч и положил его рыжему на плечо.

– Ну-ка, повторяй за мной... Я... Как там тебя звать?

Пауза, затем:

– Вы вроде слышали.

– А фамилия у тебя есть? Хотя откуда у тебя фамилия... Может, хоть имя отца назовешь?

– Пошел он в пекло, этот отец.

– Как хочешь. Я, Гледерик, неведомо какого ублюдка отродье, клянусь в верности сэру Гэрису Фостеру, и обещаю исполнять все его приказы и распоряжения, какими бы те ни были. А если нарушу хоть один приказ моего господина, признаю за сэром Гэрисом право снять с моих плеч мою дурную голову.

Дэрри повторил эту присягу дословно, не забыв упомянуть отродье ублюдка, а потом заметил:

– Я слышал, как оруженосцы клянутся в верности рыцарям, на одном турнире. Это не та присяга.

– Ну да, не та. А какая тебе, к бесам, разница? Она буквальный, и не такая напыщенная. Дэрри подумал.

– И то верно. Так что, с формальностями мы закончили, мой господин? Можно уже вставать? – Не дожидаясь разрешения, парень вскочил на ноги и тут же принялся оттирать испач-

канные штаны. Ладони у него миготом сделались серыми от грязи. – Вот ведь скотство полнейшее – совсем измазался. Так что, я теперь ваш доподлинный оруженосец, сэр Гэрис? И буду служить дому Фостеров в вашем лице?

– Нет никакого дома Фостеров, – сказал Гэрис чистую правду. – Мой дед был простым лесником. Отец, когда был примерно твоих лет, ушел на войну. Он служил одному лорду, и храбро за него сражался. В благодарность лорд посвятил моего отца в рыцари. Но своей земли у него никогда не было. И у меня нет. Фостер... Это просто фамилия. Не название лена.

Дэрри весь аж просиял:

– Вы у меня камень с души сняли, что никакого дома Фостеров нет. Получается, вы из простонародья... А то Стефани мне говорит – приехал знатный господин, с ума сойти какой важный, никого за людей не считает. Не иначе, переодетый герцог или принц. А вы оказываетесь, не настолько важная птица. Вы и сами наш человек. Я и подумал...

Договорить он не успел. Не успел, потому что Гэрис размахнулся и врезал ему по зубам. Мальчишка вскрикнул, отлетел на несколько шагов и рухнул на землю – ноги подкосились. Упал Дэрри очень неудачно, прямо в лужу, и во все стороны разлетелись брызги.

– Запомни одну вещь, – сказал Гэрис, когда рыжий кое-как сел – весь перепачканный, мокрый с головы до пят. – Никогда не смей меня вышучивать. Заруби себе на носу – никогда. Иначе я изобью тебя так, как никто никогда не бил. Ты меня понял?

Дэрри кивнул.

– Да, милорд. Я понял. Никогда больше.

– Хорошо, если так. Значит, слушай меня. Я остановился в трактире, комната на втором этаже, правое крыло, третья по коридору. Именно туда я сейчас направляюсь – хочу выспаться. Ты можешь спать на конюшне, или на кухне, или где ты обычно спишь. А утром, на рассвете, жди меня на крыльце. Мы отправимся к оружейнику. Ты правильно заметил, у меня сейчас нету многого из того, что полагается рыцарю. Так что это все мне придется купить. Подобрать хорошие доспехи, щит и копье. Когда куплю их – отправлюсь за город, тренироваться. Скоро состоится одно очень интересное событие, и я должен быть к нему готов. – Дэрри слушал его молча и внимательно. Это пришлось Гэрису по душе. – Хочешь спросить, о каком событии я говорю?

– О каком событии вы говорите, милорд?

– О Большом Осеннем турнире. Я, знаешь ли, планирую одержать на нем победу.

Кажется, Дэрри очень захотелось присвистнуть. Но он удержался.

Глава вторая

Большой Осенний турнир проводился неподалеку от Таэрверна, в третью неделю октября. На турнир этот являлись рыцари со всего королевства, чтобы обрести на нем или подтвердить обретенную ранее славу. Вслед за рыцарями съезжались сюда и менестрели – дабы сложить песни о победителях и проигравших, а также просто перекинуться новостями. Приходил в обилии и простой люд, посмотреть на то, как сталкиваются мечи, поют стрелы и ломаются копья. Можно было побиться об заклад, шпионов здесь тоже хватало – ибо многим в Гарланде, Элевсине, Лумее, Иберлене и прочих государствах Срединных Земель очень хотелось быть осведомленными, что же творится сейчас среди эринландской знати.

Турнир почтили своим присутствием все самые могущественные люди страны, включая короля – и последнее было не просто хорошо, а на редкость прекрасно.

Гэрис начал готовиться к предстоящему бою на следующий же день после приезда в столицу. Нашел себе подходящий луг на высоком берегу реки, за пределами таэрвернских предместий, и скакал по нему из конца в конец верхом на коне, облачившись в полный боевой доспех. Вспоминал, как управляться с копьем, приметив в качестве мишени раскидистый дуб.

Получалось сперва довольно скверно. Прежде Гэрис был действительно искусен в боевом ремесле, и дрался куда лучше большинства прочих знакомых ему воинов. Но сейчас, казалось, прежнее его мастерство ослабло, подточенное перенесенными тяготами, былыми ранами и долгим бездействием. Собственное тело стало ему непривычным и подчинялось подчас с трудом. Хорошо хоть руки оставались очень сильными и крепкими, и легко удерживали оружие. А вот былой быстроты и легкости не хватало. Раньше он мог танцевать среди мечей и копий с поражавшей равно друзей и врагов ловкостью, а теперь казался сам себе неповоротливым и неуклюжим. В битве на реке Твейн Гэрис получил тяжелые увечья, и много дней провел, находясь между жизнью и смертью. Не попади он вовремя под внимательный уход, так и вовсе бы умер. Но даже когда угроза смерти отступила, понадобилось еще много дней и даже недель, чтобы начать хоть немного восстанавливать истраченные телесные силы.

Конечно, Гэрису сейчас было уже гораздо лучше, чем в самые первые дни, когда он едва только начал приходить в себя. Тогда ведь он даже стоять на ногах толком не мог. Все, что оставалось – глядеть в потолок и в бессильной ярости колотить кулаками в стену. В одночасье превратиться из сильного и ловкого мужчины в беспомощную, жалкую развалину – смерть и то казалась лучшим выходом в сравнении с этим.

За прошедшие с того злополучного дня месяцы он пришел в себя и окреп – но все равно окреп недостаточно. Гэрис не верил, что справится. Он не сможет провести пятнадцать схваток подряд, а ведь приблизительно в стольких поединках нужно одержать верх, дабы занять первое место. Гэрис хорошо понимал, что в нынешнем состоянии он даже пяти побед не добьется – ведь его противниками выступят лучшие воины королевства. Конечно, те из них, что не пали у реки Твейн. Но и те, кто не пал, заслуженно считались крайне серьезными бойцами, и вчерашнему калеке с ними не справиться. Оставался всего один выход, совершенно безумный. Им и придется воспользоваться.

Он представился распорядителю турнира как сэр Гэрис Фостер, безземельный рыцарь. Как уже говорилось раньше, это не было его настоящим именем, но так звали солдата, сражавшегося рядом с ним в последней битве и погибшего в тот же день, когда сам он был тяжело ранен.

Лишних расспросов это ни у кого не вызвало. Мало кто слышал о Гэрисе Фостере, но по дорогам Эринланда колесили сотни, если не тысячи безземельных рыцарей, и никто не мог упомянуть их всех по именам. Ведь многие воины незнатного происхождения проявляли в боях отвагу, и многие получали за проявленную отвагу дворянское звание. Но вот получить

к дворянству еще и феодал удавалось лишь редким счастливым. Большая часть страны уже давно была поделена между самыми знатными и богатыми домами, и всем прочим доставались лишь объедки с их пиршеств. Неудивительно, что на войну с Клиффом Гарландским эринландские рыцари собрались, как на праздник, надеясь обзавестись поместьями в отвоеванных землях. Там они все, по большей части, и погибли. На нынешний турнир собирались либо те, кто выжил – либо кто отсиделись по домам, пренебрегая призывом короля. Такие тоже нашлись.

Единственное, о чем спросили Гэриса – кого из благородных дворян он знает и кто мог бы за него поручиться. Он в ответ упомянул сэра Йорефа из Уэсли, погибшего на последней войне.

– Сэр Йореф был мне хорошим другом, – сказал он, – и непременно бы замолвил за меня словечко. Но к сожалению, сэр Йореф сейчас находится на том свете, как и прочие мои боевые товарищи. Надеюсь, вам хватит моего честного слова.

Как ни странно, такой ответ вполне удовлетворил распорядителя.

Гэрис и в самом деле воевал вместе с Йорефом Уэсли. То был достойный и уважаемый рыцарь, всю свою жизнь прошедший в дальних походах и покрывший себя в них немалой доблестью. Весь возглавляемый сэром Йорефом отряд poleg в Битве у Реки, как называли теперь битву у Твейн.

Человек, называющий себя Гэрисом Фостером, поставил шатер на дальнем конце поля и провел в нем все те три дня, в течении которых турнир двигался к своей кульминации. Не было нужды наблюдать за выходящими на ристалище воинами – он уже раз узнал имена всех поединщиков и хорошо представлял, кто на что способен. Яснее ясного было, кто из приехавших сюда бойцов окажется сильнее других и кто сойдет в итоге в борьбе за первое место. Скорее всего это будут Джеральд Хэррисворд и... да. И Эдвард Фэринтайн. С недавних пор – герцог Фэринтайн, глава Дома Единорога. Двоюродный брат короля по материнской линии, один из лучших мечников королевства и теперь, после гибели на реке Твейн своего старшего брата – наследник престола.

Гэрис не сомневался, что сильнейшим окажется именно кто-то из этих двоих – и потому даже не высовывался пронаблюдать за ходом боев. Слишком уж это все было для него предсказуемо. Тем более, свалившийся на его голову оруженосец и так детально докладывал о ходе турнира.

Дэрри приходил в шатер глубоко за полночь и тут же принимался восторженно рассказывать, кто кем на сей раз выбит был из седла. Глаза у мальчишки при этих рассказах горели, а к лицу приливалась кровь. Ему отчаянно нравилось вести счет поражений и побед. И, по словам Дэрри, получалось так, что кузен короля пока ни единого раза не потерпел поражения. Он легко одолевал всех, кто вставал на у него на пути. Эдвард Фэринтайн рвался к своему триумфу, и не было на Большом Осеннем турнире рыцаря, способного одержать над ним верх. Кроме разве что сэра Джеральда, прозванного Хэррисвордским Ястребом.

– Но я бы все равно поставил на Фэринтайна, – сказал Дэрри, забравшись с ногами на сундук. Наступила последняя ночь – ночь перед решающим днем турнира. – Я бы поставил на Фэринтайна, потому что как он дерется... Да вы бы видели, как он дерется.словно герой из баллады.

– Да я знаю. Я видел его на войне. Мечом машет этот парень хорошо, спору нет, – Гэрису ужасно хотелось спать. Завтра предстоял большой день – ведь завтра начнется наконец то, чему давно уже следовало начаться. Можно будет приступить к исполнению дела, ради которого он и вернулся в Таэрверн. Давно пора. Ждать уже просто не оставалось сил.

– А я тут говорил с остальными оруженосцами, – сообщил мальчишка. – Спрашивали, кто вы такой, и откуда явились, и почему про вас не слышно, и не потому ли, что вы никогда никакой славы не сыскали. И еще спросили, почему вы сидите у себя и не выходите, и выйдете ли вообще.

– Ты им что-то ответил?

– Да, я сказал, чтобы они сами к вам пришли и обо всем расспросили, откуда вы и почему, раз им так интересно. А мое дело маленькое, коня вашего чистить да копьё вам подавать.

– Почему ты с ними не подрался? Оруженосец должен отстаивать честь своего господина. Дэрри обиделся.

– А кто сказал, что я с ними не подрался? Подрался. Только это не затем, чтобы отстоять вашу честь. Просто... Ну...

– Просто ты любишь драться.

Дэрри опустил ноги. Мальчишка выглядел очень усталым, немного пьяным – и Гэрис только сейчас заметил у него под глазом синяк.

– Да как вам сказать. А впрочем, какая разница. Вы, главное, попробуйте уже победить этого непобедимого герцога. А то получается, мы совсем сюда зря приезжали, и ребра мне намяли тоже зря. А я не люблю, когда что-то делается зря.

– Я тоже такого не люблю. Ложись спать, Гледерик.

На следующее утро Гэрис надел стеганую куртку и кожаные брюки для верховой езды, наточил, в который уже раз, меч и принялся ждать. Временами он принимался изучать лицо, отражавшееся в небольшом зеркале, имевшемся у него при себе. Густые темные волосы, загорелая кожа, переломанный в двух местах нос, массивный подбородок. Тяжеловесные черты, такие в пору фермеру. Именно так и выглядел всегда Гэрис Фостер, сын Харви Фостера, дворянин во втором поколении. Внук лесника, верный боевой товарищ Йорефа Уэсли. Было очень странно видеть чужое лицо вместо своего собственного – но своего лица у него уже давно не осталось.

– Милорд, ну что, вы готовы? – Дэрри казался более взвинченным, чем обычно. – Фэринтайн разделался с Хэррисвордом. С третьего раза, правда – сначала они разошлись при своих. Но потом сэр Эдвард такое устроил... Выбил Хэррисворда из седла, тот пролетел футов десять, а как попробовал встать, сэр Эдвард уже приставил ему к горлу меч. Ума не приложу, как Хэррисворд себе хребет не переломал – но вынесли его на носилках. Так что вот. Объявили перерыв. А если после него никто не объявится – сэра Эдварда признают победителем. Вы как думаете...

– Я думаю, что нам пора, – Гэрис поднялся на ноги. – Выходим, подведи мне коня.

Когда Гэрис показался из шатра, трибуны просто сходили с ума. Тысячи голосов сливались в единый безудержный гул, в воздух взлетали береты и чепчики, зрители бесновались. Кто-то вопил от радости, а кто-то ругался с досады, и казалось, что вот-вот грянет полное и окончательное светопреставление, потому что выносить все это было уже решительно невозможно. А Эдвард Фэринтайн гарцевал посреди ристалищного поля, весь закованный в белые доспехи, вскинувший руку в торжественном салюте, и под копыта его белоснежного жеребца один за одним летели букеты цветов. Герцог Фэринтайн выглядел в этот миг своей славы ожившей мраморной статуей древнего героя, потому что живой человек не может до такой степени казаться олицетворением торжества, изящества и благородства. Увидев этого благородного и доблестного рыцаря, Гэрис до боли сжал рукоятку меча. Он уже встречался с нынешним герцогом Фэринтайном раньше, и встречался не раз, пусть даже тот ни за что бы не узнал его теперь.

Протрубили трубы. Раздался голос герольда:

– Ваше королевское величество, благородные лорды и леди, рыцари и дамы, и весь добрый народ Таэрверна! Сэр Эдвард, герцог Фэринтайн, искуснейший из всех воителей, чья доблесть не знает себе равных, одолел в честном бою всех отважных воинов, пожелавших бросить ему вызов. С такими мужами, как сэр Эдвард, нам не страшны ни бесы в аду, ни иноземцы в Гарланде! Сегодня он снискал великую славу! Я обращаюсь к вам, ко всем рыцарям, что собрались здесь, ко всем мужам благородной крови, слушающим мои слова! Есть ли в вас гордость?! Есть ли у вас смелость?! Есть ли у вас сила?! Найдется ли среди вас человек, что

посмеет выступить против сэра Эдварда – и, быть может, победить его? Один – только один – смельчак имеет право выступить против герцога Фэринтайна! Достаточно лишь выйти, сказать «да, это я!», и ваш вызов будет принят! Даже если до этого вы не принимали участия ни в одном из поединков нашего турнира! Но попытка дается одна, и лишь тот, кто первым из вас осознает свое мужество, вступит в этот бой! А одержавший в этом бою победу – станет победителем Большого осеннего турнира! Найдется ли среди вас храбрец, желающий сразиться с лучшим из лучших?!

Вот оно. Этот момент настал. Момент, к которому Гэрис шел столько дней, зная, что это его шанс. Самая лучшая и надежная из всех возможностей, которые только можно вырвать у прихотливой судьбы. И он не имел ни малейшего права прозевать эту возможность. Не мог уступить ее какому-нибудь расторопному дурню. И потому, едва герольд договорил, Гэрис Фостер заорал во всю глотку, наполнив своим голосом теплый осенний воздух и надеясь, что голос этот будет слышен даже на самых дальних скамьях самых дальних трибун:

– Такой храбрец нашелся, мои лорды! Я, сэр Гэрис Фостер, бросаю вызов сэру Эдварду Фэринтайну, и клянусь, что проучу его как следует! Я клянусь перед добрым народом Эрин-ланда, что уйду с этого поля победителем – или буду обесчещен и проклят вплоть до Судного Дня и дальше!

Гэрис давно уже ни на грош не верил ни в какие клятвы, даже самые громкие – но зато он прекрасно знал, что в них верит народ. Ничто не сможет воодушевить собравшихся здесь людей больше, чем такое смелое обещание. Расчет оправдался – после произнесенных им слов трибуны просто взорвались криками. Негодование и восторг сразу. Негодование – потому что какой-то наглец успел вызваться на бой первым, выхватив тем самым удачу у всех остальных. Восторг – ну, а как же, зрелищу быть. Гэрис усмехнулся. «Вы, господа, как всегда жаждете зрелища – ну так святая правда, что вы его получите».

Эдвард Фэринтайн медленно повернул коня, посмотрел на Гэриса сквозь опущенное забрало шлема – и, будь на месте Гэриса кто другой, взгляд сэра Эдварда проморозил бы его до костей. Потому что люди так не смотрят. Так смотрят только высокие фэйри – или те, кто несет в своих жилах их серебряную кровь. Герцог Фэринтайн заговорил – и его негромкий голос заглушил рев толпы:

– Интересная клятва, сэр Гэрис. Вы не боитесь ее нарушить?

Гэрис встретил взгляд Эдварда – и одну долгую секунду они смотрели друг другу в глаза. Гэрис знал, что Эдвард его не узнает, и Эдвард в самом деле его не узнал.

– Я ее не нарушу.

– Смелые слова, – Фэринтайн склонил голову. – Садитесь в седло! Я хочу проверить, стоите ли вы своих слов.

– У вас будет такая возможность, герцог, – сказал Гэрис сухо. – Дэрри, – это уже оруженосцу, на три голоса ниже. Оруженосец вел в поводу коня – и ухмылялся. Конь не ухмылялся, конь раздувал ноздри и глядел прямо на Гэриса бешеным взглядом. «Ну, лошадка, не подведи – даром я тебе столько дней подряд покупал самое лучшее сено? Сегодня нам с тобой, малыш, придется постараться на славу».

Гэрис вскочил в седло и взялся за протянутое оруженосцем копьё. Вскинул это копьё острием вверх, приветствуя толпу – и довольно улыбнулся, заметив, что зрители по меньшей мере удивлены. На трибунах зашептались, кто-то засвистел. Ну еще бы, внешний вид Гэриса не мог не вызвать недоумения. Ведь все прочие рыцари предпочитали выезжать на конный поединок, будучи облаченными в полную броню, не забыв о нагрудниках, наручах, поножах и шлемах. Что же до Гэриса, то он не взял с собой даже щита. Плотная стеганая куртка, кожаные штаны, сапоги со шпорами – и больше ничего. Он сначала собирался надеть под куртку кольчугу, но потом передумал. Без доспехов, так без доспехов.

Дэрри привстал на цыпочках, понизив голос до шепота:

– Сэр Гэрис, они уже верно решили, что вы умом тронулись. Честное слово, я их понимаю.

– Веришь в меня? – спросил Гэрис невпопад.

– В вас-то? – мальчик прищурился. – Даже и не знаю. Но деньги поставил.

Гэрис ничего не ответил на это.

Он перехватил копьё поудобней и ударил коня по бокам. Искрящийся солнцем соленый песок взвился из-под копыт – и то же самое солнце ударило отраженным лучом с наконецника выставленного лордом Фэринтайном копьё. Тот тоже рванул прямо с места в карьер. Тут не было никаких отдельных дорожек и разделительных барьеров. Всадники сшибались прямо посреди широкого, засыпанного песком поля, чтобы, будучи выбитыми из седла, иметь возможность продолжить поединок уже пешими.

Гэрис чуть наклонился вперед, почувствовал, как перчатки на руках сделались мокрыми и холодными от пота. Он не хотел нервничать, да только сохранить спокойствие не получалось. Слишком многое зависело от того, справится он сейчас или нет. Эдвард Фэринтайн несся прямо ему навстречу, расстояние между рыцарями сокращалось. Гэрис видел белое забрало шлема, щит с серебряным единорогом в черном круге на белом поле, развевающуюся конскую гриву. Сэр Гэрис Фостер хорошо знал, что Эдвард Фэринтайн владеет копьём куда лучше, чем он сам, тем более сейчас, и легко выбьет его из седла, если получит такую возможность. Более быстрый и ловкий, Эдвард победит в честном бою без труда, но в том и шутка, что честного боя не будет. Хорошо, что правила турнира не запрещают определенных хитростей.

Когда рыцари сблизилась почти на расстояние удара, но все же еще не совсем – Гэрис отбросил копьё в сторону, прямо на землю, и рванул коня в сторону, боком от Фэринтайна. Выхватил левой рукой меч и, извернувшись в седле, перерубил древко вражеского копьё. Зрители закричали. Эдвард выпустил из рук бесполезный обломок и тоже выхватил клинок. Мечи столкнулись. Гэрису показалось, что он принял на выставленное свое оружие рухнувшую скалу, до того силен оказался нажим противника. Гэрис пришпорил своего жеребца, и, сумев наконец оттолкнуть меч Эдварда, поскакал прочь, к дальнему краю поля. Теперь важнее всего была скорость. Ему следовало оторваться и выиграть себе хотя бы несколько драгоценных секунд. Враг остался без копьё, но его меч был при нем, равно как и мастерство, искусство и отвага.

Гэрис выпрыгнул из седла, сгруппировался при падении, покатился по рассыпчатому песку. Грохот конских копыт раздался совсем рядом, и Фостер едва успел избежать участи быть затоптанным жеребцом Фэринтайна. Он вновь перекатился и вскочил на ноги, подбирая выпущенный было клинок. Эдвард рванул коня прямо на него, замахнулся сверху мечом. Гэрис отскочил, парировал удар, а потом на мгновение припал к земле – и полоснул вражеского коня по передним ногам, перерубив их. Кровь брызнула ручьем, лошадиный крик свел бы с ума кого угодно. Фэринтайн выпал из седла, попробовал удержаться на ногах – но Гэрис тут же навалился на него и швырнул на землю. Фэринтайн выставил при падении руку, оперся на нее и тут же вскинул меч, блокировав удар Гэриса. Подался вперед, отводя вражеский клинок, и рывком взлетел с колен. Гэрис Фостер отшатнулся.

Трибуны сходили с ума. На рыцарских турнирах порой выкидывались разные лихие трюки, но этот показался распорядителям совсем вопиющим, выходящим за рамки дозволенного. Охрана дернулась, готовая броситься на ристалище и обезоружить Гэриса, но король Хендрик неожиданно поднялся со своего сидения и властно вскинул руку. Лицо государя выглядело задумчивым.

– Никому не вмешиваться, – произнес он. – Я хочу взглянуть, на что еще способен этот молодец.

Гэрис обратил в сторону монарха учтивый поклон и вновь повернулся к своему противнику.

– Хорошо придумано, – сказал Эдвард Фэринтайн. – Вы натаскали коня. И не надели доспехов... Почему? Чтобы удачней приземлиться и оказаться ловчей меня. Почти получилось, но сейчас ваше преимущество закончилось. Признаете поражение, благородный сэр, или мне вас сначала помучить?

Вместо ответа Гэрис отсалютовал клинком и принял защитную стойку.

– Ну ладно, – сейчас Эдвард говорил негромко, – вы на свой манер правы. Все эти люди вон там на трибунах хотят отменного зрелища. А мы с вами дрались совсем недолго. Если закончить прямо сейчас, они останутся недовольны победителем. Защищайтесь, милорд.

Чем Гэрис и занялся. Первая атака Эдварда оказалась быстрой, вторая – еще быстрее, третья – молниеносной. Гэрис едва успевал их отражать. Он каждый раз парировал сыплющиеся на него удары и каждый раз при этом делал шаг назад, а Эдвард, наоборот, наступал. Противник Фостеру достался серьезный. Раньше он, конечно, мог бы с ним справиться, но то было раньше. С тех пор Гэрис ослаб и не знал, вернется ли когда-нибудь в прежнюю силу. А Эдвард, напротив, пребывал в отличной форме, даром что сражался перед тем три дня подряд. Он не зря, честное слово, считался лучшим фехтовальщиком в стране. Даже сейчас он не показал и половины своего мастерства. Герцог Фэринтайн развлекался – вернее, развлекал публику.

Прошло несколько минут, и напор Эдварда, бывший поначалу яростным и неукротимым, внезапно начал иссякать. Фэринтайн сделался неторопливым, словно бы ленивым. Сторонний наблюдатель мог бы еще решить, что Эдвард продолжает биться от души, по-настоящему вкладываясь в поединок, но Гэрис прекрасно понимал, что это уже не так. Его врагу словно бы сделалось скучно, и он перестал стремиться к победе. Фостер отразил все направленные на него атаки, и ни разу при этом острое вражеского клинка не пробилось сквозь выставленную им оборону. Зато самому Гэрису неожиданно удалось сделать пару вполне неплохих уколов, даром что те лишь чиркнули по броне, не найдя в ней отверстий. Минуту назад ему казалось, что бой безнадежно проигран, но теперь это уже явно было не так. Распробовав поначалу свое преимущество, Эдвард быстро потерял к этому преимуществу интерес и начал биться с едва заметной ленцой. Спустя еще три обмена ударами Гэрис уже не сомневался в этом.

Фэринтайн поддавался. Поддавался очень ловко, даже опытный судья не заметил бы этого. Тоже ведь искусство, сражаться не на полную силу – надо быть хорошим бойцом, чтоб освоить его. Непонятным оставалось лишь одно – зачем это нужно Эдварду? Считает, будто победа от него так и так не уйдет, и потому стремится позабавить толпу, растянув бой? Сама подобная мысль придала Гэрису ярости. Он ненавидел, когда его не принимали всерьез.

Его враг не узнал его. Просто не мог узнать. Прежнее лицо человека, который назывался теперь именем Гэриса Фостера, было утеряно им вместе со всей его прежней жизнью. Вернувшийся с порога смерти, он носил чужое обличье – обличье, подаренное ему колдовством. Тем самым странным и древним колдовством, что сохранило ему жизнь, излечив смертельные раны. Он должен был умереть – но нашлась сила, что спасла его и послала сюда, в самое сердце разоренного войной Эринланда. Сила эта была настолько чужой и опасной, что Гэрис старался даже в мыслях не думать о ней. Наделенный благодаря этой силе чужими внешностью и именем, он не мог быть узанным лордом Эдвардом Фэринтайном – но сам хорошо знал этого гордого и самоуверенного лорда, не привыкшего никогда сомневаться в себе. И прекрасно помнил, как тот, к примеру, однажды, в тренировочном бою, выбил у него меч у него из рук и залиvisto расхохотался, наслаждаясь своим превосходством.

Воспоминание это оказалось ярким и резким, подобным вспышке молнии в сумрачных подвалах памяти. Злость неожиданно придала сил. Гэрис развернулся, став внезапно быстрым, как порыв ветра, текучим, будто вода, смертоносным, словно жалящая змея, на половину выдоха сделавшись вдруг самим собой – и рванулся вперед, зная, что должен победить и что победит, чего бы это ему не стоило.

Он выбил у Эдварда оружие, сделал шаг вплотную и саданул Фэринтайна противовесом меча прямо по забралу. Эдвард пошатнулся, но все же устоял, и в свою очередь ударил Гэриса закованным в металл кулаком прямо в живот. Стало так больно, что внутренности, казалось, засыпали тарагонским перцем, но Гэрис уже навалился на Эдварда и опрокинул того на землю. Сорвал с его лица забрало и отстранился – чтобы занести клинок. Острие смотрело герцогу Фэринтайну прямо в правый глаз.

Совершенно спокойный взгляд. Если глядеть так в лицо смерти – она, чего доброго, сочтет тебя неучтивым кавалером и сбежит за тридевять земель. Губы Эдварда чуть дрогнули. Разошлись в улыбке.

– Вы, наверно, сейчас чрезвычайно горды собой, – сказал герцог. – Что ж, не буду отрицать, дрались вы и впрямь доблестно. Хотя поначалу слегка нерешительно – я уже приготовился заскучать.

Гэрис оставил его слова без внимания.

– Сэр Эдвард! – сказал он громко, так, чтоб слышали на трибунах. – Я одолел вас в честном бою. Признаете ли вы свое поражение?

– Признаю, – согласился Эдвард. – Вы же меня победили. В честном бою.

Гэрис оглядел зрителей – те, казалось, позабыли, что им дышать положено. Ну еще бы, прямо сейчас на их глазах был побежден человек, которого они уже начинали считать непобедимым. И который, может быть, и в самом деле был непобедим, но предпочел не побеждать в этот раз. Именно это вызвало у Гэриса тревогу. Это, а еще спокойный, оценивающий взгляд Эдварда. Нынешний герцог Фэринтайн не мог его узнать. Без всякого сомнения, не мог. Но эта мысль лишь в очень незначительной степени могла успокоить Гэриса.

Впрочем, было не до лишних раздумий – представление не совсем закончилось, и следовало играть свою роль до конца. Гэрис вскинул меч острием к небу – и публика, словно ожидавшая этого, разразилась приветственными криками.

– Да здравствует победитель турнира! – крикнул герольд. – Сэр Гэрис Фостер, герой этого дня – и герой Эринланда! Сегодня, прямо перед всеми вами, этот человек совершил нечто немыслимое, подвиг, столь великий, что барды сказали бы...

Сэр Гэрис Фостер не стал слушать, чего скажут барды. Ему давно уже набили оскомину одинаковые речи, произносимые всеми герольдами на всех на свете турнирах. Гэрис вложил меч в ножны и склонился над все так же лежащим на песке Эдвардом. Протянул руку:

– Помочь вам встать, сэр?

– Если вас не затруднит.

При помощи Гэриса Эдвард поднялся на ноги. Он не выглядел ни удивленным, ни раздосадованным, ни разозленным – не выказывал ни одного из чувств, приличествующих человеку, только что потерпевшему поражение в шаге от победы. Казалось, он воспринял случившееся как должное, и уж тем более ни о чем не сожалел.

Эдвард снял шлем, и длинные, платиново-белые как свежевывающий снег волосы рассыпались по плечам. Гэрис замер, как громом пораженный – в этот момент ему показалось, что его сердце прямо сейчас возьмет, да и выпрыгнет из груди.

Он и в самом деле забыл за эти проклятые месяцы многое из того, чего не следовало забывать. Он выпустил из памяти, как выглядит человек, стоявший теперь в двух шагах от него. Благородное лицо с тонкими аристократическими чертами, бледная кожа, глаза, что казались в настоящий момент прозрачными, светло-голубыми, льдистыми. Глаза эти, хорошо знал Гэрис, имели свойство менять цвет. Куда чаще они имели темный, фиолетовый оттенок – когда Эдвард бывал отстранен или погружен в себя. Светлел, как теперь, его взгляд лишь в моменты наивысшего сосредоточения или волнения. Или гнева.

Присутствовало нечто странное в этом лице. Древняя кровь – она отпечаталась на всех, кто принадлежал к Дому Единорога. По материнской линии и сам король происходил из этого дома.

– Что с вами, благородный сэра? – Лорд Фэринтайн улыбнулся. – Мой облик кажется вам пугающим? Может быть, немного не совсем человеческим? Что поделать, таким я уродился на свет.

Гэрис сглотнул.

– Прошу прощения, сударь... Я... Просто удивительно видеть кого-то... Вы очень...

– Очень странной наружности? – закончил за него Эдвард. – Ну еще бы. Это многие говорят. Зато никто никогда не объявит меня бастардом. Чтобы усомниться в законности моего происхождения, нужно либо никогда не видеться со мной, либо вовсе не иметь глаз. Но постойте. Кажется, этот петух заканчивает кукарекать. Слово за его величеством.

Гэрис кивнул и повернул голову в направлении королевской ложи. До нее отсюда было три десятка шагов. Немыслимо близко и вместе с тем невыносимо далеко. Хендрик Грейдан, Божьей милостью герцог Таэрверна и король всего веселого Эринланда, сидел на возвышении, облаченный в боевые доспехи. На его плечи был наброшен алый плащ, а чело венчала корона. Он совсем не изменился, точно так же, как не изменился и Эдвард. Королю от роду было немногим меньше тридцати лет. Русоволосый и статный, он унаследовал по отцовской линии широкую кость Грейданов – но такие же, как у Эдварда Фэринтайна, холодные льдистые глаза и тонкие черты лица выдавали в нем примесь древней эльфийской крови. Его лицо казалось сдержанным и одновременно беззаботным.

– Ваше величество, я вручаю себя и свою победу в ваши руки, – Гэрис не знал, каких усилий ему стоило говорить ясно и четко, глядя повелителю Эринланда прямо в лицо. – Для меня честь лицезреть вас здесь и честью было биться в вашем присутствии. Хоть мне и неведомо, достоин ли я этой чести.

Странное чувство, порой настигавшее Гэриса, посещавшее его на протяжении многих лет, сколько он вообще себя помнил – это чувство вновь овладело им. Ощущение беспредельности вселенной, возможности ловить ее ритм и двигаться с ним в унисон. Такое безумие приходило к Гэрису в бою, когда пляшут клинки и свистят стрелы, каждый раз – мимо. Такое безумие порой ему являлось ему во время близости с женщиной, в миг, когда объятия становились особенно жаркими, а дыхание сплеталось в унисон. И такое безумие ехало с ним в одном седле, когда он только явился в Таэрверн и полной грудью вдохнул его воздух.

Это безумие говорило ныне его устами. Гэрис знал, что любое слово, которое он сейчас скажет, и любая вещь, которую он сейчас сделает, отпечатаются на будущем и определяют его течение.

– Мой король, – сказал он, – я благодарю вас за честь говорить с вами, и я прошу вас об одной милости, которую вы, быть может, в своей милости мне предоставите.

– Вы доблестно сражались, сэра рыцарь, – сказал Хендрик. – Мне понравилось, как вы одолели лорда Фэринтайна. И пусть дрались вы не очень благородно, в настоящем бою благородства вообще мало. Так чего вам угодно?

Гэрис поднял голову. Поймал взгляд Хендрика – так ловят стрелу в полете, обжигая ладонь. Фостера всего сейчас была дрожь, как на лютom морозе. Его словно пронзал поток – ослепительный, безбожно пьяный свет. Гэрис принял этот поток в себя, позволил раскидывающему пенные брызги водопаду наполнить своим опасным волшебством его собственную пустоту – и, взяв чужой огонь, превратился в факел, горящий на милую округ.

– Мне угодно...

В этот сверкающий миг Гэрис чувствовал их всех, осязал кожей биение их мыслей. Он читал, как раскрытую книгу, Хендрика, прикидывающего, до какой степени окажется наглым этот никому не ведомый боец и каких сокровищ он себе запросит. Он видел Дэрри, во все глаза

следившего за происходившим действием. Мальчишка забавлялся и восхищался одновременно. Пристальнее всех Гэрис смотрел на Эдварда. Тот до сих пор оставался непонятным, будто заключил себя в панцирь из льда.

– Мой король, – сказал Гэрис, – мне угодно...

Поток ревел, угрожал снести Гэриса своим течением, как горная река уносит упавшее в нее бревно. Главное, он знал – выстоять, продержаться, найти в себе стойкость. Не рухнуть прямо на песок, отхаркиваясь кровью. По черепу стучали тяжелые молоты карликов, а глаза были готовы взорваться и вытечь из глазниц. Ему хотелось вскинуть руки и закричать, позволяя световой реке смять и уничтожить само его существо – но вместо этого он говорил. Гэрис использовал всю мощь пронзавшего его потока, дабы соткать из обычных слов заклинание силы. Так поступали чародеи былых лет. Заклинанию, наделенному подобным могуществом, подчинится даже король.

– Мой государь, мне угодно просить вас об одной-единственной милости. Не о поместье, не о руке благородной девицы и не о золоте. Я не могу сказать, что все перечисленные вещи не имеют для меня вовсе никакой цены. Утверждать подобное было бы ложью. Но я считаю себя вправе просить вас лишь об одном, а потому прошу о наиболее важном. Всю свою жизнь я служил сначала знамени вашего отца, а затем и вашему знамени. Я дрался за дом Грейданов на дальних рубежах, и не раз проливал свою кровь. Я не бывал в столице, и вы, наверно, никогда прежде не слышали обо мне – но зато всю свою жизнь я слышал о вас. Люди, вместе с которыми я служил в одном отряде, все погибли на последней войне. Мне некуда больше идти – и потому я пришел сюда. Вы сказали, я доблестно бился на этом турнире. Возможно, вам понравится, если я буду доблестно биться и в настоящем бою. Я прошу вас, сэр Хендрик из дома Грейданов, принять меня в свою королевскую гвардию. Вам потребуются хорошие рыцари, чтобы проучить Клиффа Рэдгара и прочих псов. А я, видит Бог, очень хороший рыцарь – я сразил вашего кузена, а на такое во всем Эринланде не сподобился больше никто. У вас не будет повода сожалеть о моей службе.

Он говорил очень просто, так просто, как только мог сейчас говорить, сдерживая крик. И он прекрасно знал, что простота его слов покажется придворным изощренной наглостью. Это не имело никакого значения. Лишь одна-единственная вещь оставалась важной. Гэрис надеялся, что сумел вложить в произнесенные им слова достаточную силу, чтобы вуалью набросить их на короля и заставить Хендрика согласиться на такое, в сущности, безумное условие. Ведь лишь безумец способен, придя с большой дороги и победив первого рыцаря государства, проситься дозволения попасть в отряд самых лучших, самых преданных воинов государя.

Для того Гэрис и пропускал сквозь себя опаляющий свет – чтобы обратить этот свет в чары и спеленать этими чарами Хендрика, заставив его принять настолько дерзкую просьбу. Он не мог больше думать ни о чем, только удерживать бившее прямо сквозь него сияние, незримое ничьим вокруг глазам, но остро ощущаемое им самим. Гэрис знал, что не продержится дольше половины минуты. Потом придется выпустить волну из пальцев – иначе она насквозь выжжет его душу. Он мог лишь надеяться, что половины минуты хватит.

Магия всегда была опасна, и магия от начала времен ходила рука об руку со смертью. На его счастье, он был единственным человеком здесь, кто имел хоть малое о ней представление.

Хендрик откинулся на спинку кресла. Хлопнул руками по коленям:

– Допустить вас в королевскую гвардию? Да отчего бы нет. Вы показали себя славным бойцом. Я охотно принимаю вас к себе на службу. Покажете себя с хорошей стороны – получите поместье, золото и все прочее, что полагается. Окажетесь недостойны – не сносить вам головы. Устраивают вас такие условия?

– Благодарю, мой король. Вполне устраивают.

Гэрис закрылся от света ментальным щитом – и немедленно стал пустым, словно до дна опрокинутый кубок. Огонь ушел. Вместе с ним сгнули воля и страсть. Фостер вновь почувствовал себя таким же, как и обычно. Усталым, ограниченным и бессильным. Он перестал быть собой. Перестал быть чародеем. Перестал быть человеком. Перестал быть живым. Остался только грубый и злой солдат со стеклянно-пустым взглядом.

– А теперь, ваше величество, прошу меня великодушно простить, ваш кузен все же изрядно намял мне бока. Надо бы слегка отдохнуть, – сказав эти слова и твердо зная, что теперь уже можно наконец отпустить себя и забыться, Гэрис упал на песок, оказавшийся таким же мягким и теплым, как лучшая перина в лучшей из спален Таэрвернского замка.

Глава третья

Дэрри заглянул в трактир «Приют странника» уже под самый вечер – довольный, счастливый, выпивший, уходя с ристалища, две кружки пива, и немного взволнованный. Почти все мысли его были поглощены недавним зрелищем. Юноша вновь и вновь переживал про себя удивительное завершение турнира. Случившееся произвело на него немалое впечатление.

Сэр Гэрис так забавно шлепнулся на землю прямо перед королем, подумалось Гледеру – ровно барышня, увидавшая на придворном балу мышь. Интересно, Фостер сделал это нарочно, чтобы все зрители растрогались, насколько он в бою изнемог? Или, может, само собой получилось? Сказалось, небось, пережитое волнение, заявила о себе усталость?

Прислужникам пришлось выносить рыцаря с турнирного поля на носилках, и очнулся он только через час. К тому моменту король Хендрик уже подписал бумагу о производстве его в свою гвардию. Услышав эту новость, Гэрис с видимым облегчением кивнул, дал оруженосцу денег и сообщил, что тот может забрать свои вещи из трактира, где прежде обитал.

– Закончи все имеющиеся у тебя дела, – сказал Фостер юноше, – и завтра с утра отправляемся в замок. Заступать на службу.

Гледерик понимал, что связался с опасным и странным человеком, авантюристом, поди, более отчаянным, чем он сам – и невзирая на это был рад счастливой возможности, которую подарила ему судьба. Сегодня, сказал себе юноша, я в последний раз захожу в эти мерзкие стены. Сердце возбужденно колотилось.

Матушка Фролл, хозяйка трактира, поняла все сразу, как только увидела нарядную новую куртку, в которую был одет Дэрри. Не такой, конечно, расшитый гербами шелковый камзол, какие носят дворянские наследники из Верхнего Города, но и не прежнее рванье.

– Уходишь, значит.

– Святая правда, – Дэрри наскоро пригладил волосы, затем пробежался пальцами по застегкам. – Ухожу. Вы были очень гостеприимны, матушка, но не смею и впредь испытывать ваше терпение.

– Гостеприимна, – фыркнула хозяйка. – Гостеприимна. Ишь! Нашел гостеприимную. Мне тут гости не нужны, которые денег не платят. Да если бы ты не работал, я б тебя и на порог не пустила.

– Знаю, – сказал Дэрри тихо.

– Однако ж хорошо твой хозяин все провернул. Про это уже весь город рассказывает. Ну, мои засранцы точно говорят. Гвардеец короля... Этого и хотел, да? – Матушка Фролл бросила зелень в суп. Помешала варево большой деревянной ложкой. – Страшный он у тебя.

– Знаю, – все так же тихо ответил Дэрри.

– Все-то ты знаешь... – Трактирщица смягчилась. – И откуда ты взялся, такой умный? У родителей за тебя душа не болит?

– Понятия не имею. Матушка Фролл, я пойду, хорошо?

– Иди, раз хочешь. Кто тебя удерживать будет? Кому ты нужен?

– И правда. Совсем никому не нужен. Мое почтение, матушка!

Выйдя из кухни, он привалился к стене. Итак, хозяйка говорит, что все ее засранцы, то есть постояльцы, обсуждают турнир. Это значит, если он, Дэрри, сунется в трактирную залу, его сразу запытают вопросами, что там было и как. Тогда очень удачно, что он зашел сюда через черный ход. На вопросы отвечать совсем не хочется, хочется найти Стефани, а если она сейчас как раз ужин подает? Может, спросить у матушки? Так ведь нет, опять заходить к хозяйке после прощания – как-то оно глупо. Ладно, сначала заглянем наверх, в комнату Стефи, а потом, если надо будет, и в залу спустимся.

Комната Стефи располагалась на верхнем этаже, под самым чердаком. Дэрри остановился и вновь пригладил одежду, смахивая какие были пылинки, и лишь затем постучал.

– Не заперто!

Он отворил дверь. Девушка сидела на кровати и костяным гребнем расчесывала длинные черные волосы.

– Привет, Стеф. Гостей принимаешь?

– Привет, Дэрри. Вообще нет, но ты заходи.

– Спасибо! – Он заглянул в комнату, пересек ее танцующей походкой, на ходу исполнив что-то, напоминающее куртуазный поклон, и забрался прямо на подоконник, свесив ноги. – Как ты тут поживаешь?

– Да нормально... Матушка дала мне свободный вечерок, народу сегодня немного, Герда справится. А ты как? Вернулся? Я слышала про турнир. Так что получается, твой лорд победил?

Дэрри кивнул:

– Ага. Победил. Выехал самым последним, уже против самого Фэринтайна. Понесся на него с копьем наперевес. Ну и тот на него понесся. Я подумал, так они друг друга из седел и вышибут. Оказалось, нет. Ты представь, сэр Гэрис берет и отбрасывает свое копье, в трех корпусах от Фэринтайна. Ну... В трех корпусах – это значит, очень близко. Выбрасывает копье и достает меч. Вжик! И сэр Эдвард тоже теперь без копья, сэр Гэрис его разрубил. А потом сэр Гэрис прыгнул на землю и перерубил еще и ноги жеребцу сэра Эдварда. Но сэр Эдвард тогда тоже вскочил и как выхватит клинок...

Стефи засмеялась:

– Все, все, ты уже объяснил. Твой лорд сильнее всех. Надо же... А ты теперь его оруженосец. Ты ведь за этим сюда и приехал, правда?

Дэрри улыбнулся.

– Правда.

Ему очень нравилась Стефани. Не только за ее густые волосы, не только за горящие огнем глаза, не только за чарующий голос, но еще и за умение правильно понять, чего хотят другие люди. Стефи всегда умела увидеть, чего же окружающие в точности желают, о чем думают и к чему стремятся. Она прекрасно понимала матушку Фролл с ее желанием содержать трактир в порядке и получать за то свою прибыль, понимала Ника Давра, главного матушкиного помощника, с его желанием хорошенько выпить под вечер, понимала своих подруг с их мечтами о хороших женихах, понимала Герду с ее желанием воссоединиться с потерянной семьей – и еще она понимала Дэрри. Он и в самом деле приехал в Таэрверн за чем-то таким.

– Погляди, что у меня есть, – Дэрри сунул руку в карман – и достал из него золотую цепочку. Подбросил ее в воздух и ловко поймал. – Как тебе, неплохо? Мне вот все кажется – на твоей шее эта штука будет смотреться что надо.

– Ой! Прелесть какая, – Стефани потянулась вперед, рассматривая цепочку, – как здорово... Дэрри, это мне? Спасибо огромное, ты прелесть! Но погоди... Она же очень дорогая, наверно?

– Дорогая? Ну, можно и так сказать. Но у сэра Гэриса денег куры не клюют, даром что в нашей дыре остановился. Я у него взял немного золота по случаю победы. То есть он мне дал. Оруженосцу жалованье не положено, вообще, но у нас как бы особый случай.

– Но, Дэрри, постой. Ты же мог потратить эти деньги и на себя.

– Ага. Мог. А захотел на тебя. Я подумал, – Дэрри спрыгнул с подоконника и подошел к Стефи, – я подумал, что ты очень красивая девушка, а красивым девушкам нужны хорошие украшения.

– Думаешь, я красивая? Вообще, да. Ты прав. Но слышать все равно приятно, – Стефи поглядела на Дэрри и улыбнулась. – А знаешь, ты тоже очень красивый. Настоящий красавчик. Интересно, почему ты этим не пользуешься?

– А кто сказал, что я этим не пользуюсь? – Дэрри ответил на ее улыбку. – Пользуюсь.

– Например, сейчас?

– Правильно, Стеф, например сейчас. Так... А давай мы поглядим, как ты это будешь носить. – Дэрри протянул руку, на секунду задержал дыхание, а потом откинул волосы Стефи с плеч. Коснулся ее шеи, провел указательным и средним пальцем вдоль подбородка. Стефани тоже задержала дыхание, она глядела на юношу во все глаза. Дэрри надел девушке на шею цепочку и застегнул ее. – Вот... Теперь ты настоящая принцесса.

Стефи схватила его за руку, провела своими пальцами по его ладони.

– Дэрри, спасибо большое... Ты очень хороший. – Она замолчала, не отводя от юноши глаз. У нее был чудесный нос, который прямо так и тянуло поцеловать. – Дэрри, скажи... Ты ведь теперь будешь жить в Верхнем Городе, со своим господином... Ты будешь ходить в нарядном платье и с мечом у пояса, общаться с рыцарями и их дамами... Ну, и балы посещать. И ездить на хороших лошадях. Ты именно этого хотел, я знаю. Скажи... А вот сюда, к нам, ты еще вернешься?

– Обязательно.

– Врешь.

Дэрри улыбнулся. Он вспомнил, как встретил эту девушку впервые, месяц назад. Он уже третий день, как попал в Таэрверн, приехал вместе с попутным обозом, и никак не мог найти подходящей работы. Спал в переулках, в пустых бочках, а тут как раз попался этот трактир, хозяйке которого требовался лишний помощник. Дэрри быстро договорился с Фролл Лайерс. Потом зашел в залу – и увидел Стефанию, в белом платье собиравшую со столов грязную посуду. Он еще тогда подумал, что она очень красива. Он увидел здесь потом еще множество красивых девушек. Герду и Магду например, а сколько чарующих барышень ходило по улицам... Красивых девушек было много, но нравилась ему почему-то именно эта. Она была старше его на год, но в свои восемнадцать до сих пор не имела жениха. Бывают такие девушки, которые словно берегут себя для кого-то. Может быть, она берегла себя для него?

– Ты точно уверен, что это того стоит? – спросила вдруг Стефи.

– Что стоит? – откликнулся он.

– То, что задумал твой лорд. То, что задумал ты сам, а я ведь вижу, ты что-то задумал. Он наверняка хочет подняться к славе, и ты вместе с ним, только знаешь, люди говорят, это совсем непростой путь. Когти многих лордов и рыцарей обглоданы воронами у реки Твейн. Я знаю женщин, чьи мужья, простые пехотинцы, тоже не вернулись с войны. Говорят, король Хендрик начнет войну снова. Кровь, холод и смерть – ты уверен, что хочешь идти по этой дороге?

Дэрри вздрогнул, как если бы его окатили холодной водой с головы до пят. Попытался ответить и не смог. Он всегда был очень смел, а сейчас почему-то вдруг почувствовал себя немым. Стефани, заметив его замешательство, заговорила быстрее.

– Ты хороший парень, и ты мне нравишься, Дэрри. Я не хочу, чтобы ты впустую погибал. У меня подруга работала в военном госпитале. Рассказывала о несчастных, которым там резали руки или ноги, которые выходили оттуда калеками, если вообще могли выйти. Мой брат работает в мастерской. Хочешь, я поговорю с ним? Он мог бы приставить тебя к работе. Это честное ремесло, лучше, чем управляться на кухне. Возможно, ты не станешь вельможей, но зато и мертвецом тоже не станешь. Ты заработаешь денег и люди будут тебя уважать.

– Стефани...

– Молчи, – зажала она ему рот ладонью. – Я все понимаю! Ты наслушался этих сказок о рыцарских подвигах, баллад, которые по пьяни поют у камина. Только никакие баллады

не стоят того, чтобы ради них умирать. Или убивать других, а убийствами ты непременно займешься. Я желаю тебе лучшего, слышишь ты меня или нет?

– Почему ты мне это все рассказываешь?

– Потому что мне не все равно на тебя. Потому что я не хочу, чтобы тебя убили или искалечили! Потому что я вижу, как ты на меня смотришь... И я сама на тебя смотрю, когда ты отворачиваешься, – ее тон стал сбивчивым. – Я не сразу тебя заметила, врать не буду, но когда заметила, поняла – ты не из того сброда, который напивается каждый вечер, а потом колотит жену. Ты не чурасься работы, у тебя руки из правильного места растут. И в тебе есть что-то честное. Правильное. Ты мог бы хорошо жить... Мы могли бы!

Услышав последние слова, он отступил к двери. Очень хотелось не отступать. Хотелось броситься к ней и обнять, и целовать. Еще несколько дней назад он бы так и поступил – но теперь было нельзя. Теперь оставалась только одна дорога.

– Извини, – сказал Дэрри, глядя девушке прямо в глаза. – Ты не подумай, что это у меня какая-то гордость разыгралась. Ты все правильно сказала, и наверно, стоило бы согласиться. Точно бы стоило, будь у меня хоть какие-то мозги в голове. Только, прости, пожалуйста, я прекрасно и сам понимаю все то, что ты мне хочешь сказать. Но поступить так, как ты предлагаешь, все равно не могу. Это долго и сложно объяснять. Просто я уже выбрал, а тебе все равно спасибо, что постаралась отговорить. Я пойду, ладно? И надеюсь, тебе приглянулся подарок.

– Дэрри...

– Ничего не говори. Просто хорошего тебе вечера, Стефани.

Он вышел и притворил за собой дверь. Прошел пару шагов, а потом побежал.

...Вечером он долго лежал у себя в комнате, пытаясь заснуть. Уже давно стемнело, но сон как назло не шел. Ночь роняла свои песчинки в часы времени. Сначала ему не хотелось ни о чем думать, а потом мысли пришли сами, непрощенные и путанные.

Дэрри внезапно стал вспоминать родной город, который он покинул, пустившись в свое путешествие. Жить там было всяко проще, чем выживать здесь. Дом, по крайней мере, у их семьи был хороший, и Дэрри никогда в нем не голодал, даже в плохие годы. Даже в самые скверные времена ему перепадала на ужин куриная ножка, и это в те дни, когда нельзя было пройти по улице, не споткнувшись о труп бедняка. И одевался он в хорошее сукно, а не во всякую дрянь. Ходил в церковную школу, где выучился читать и писать. Нет, эту жизнь нельзя было назвать плохой, и все же она была ему отвратительна. В ней не было никакого смысла, а жизнь, лишенная смысла – это и не жизнь вовсе.

Полным именем Дэрри было Гледерик, а фамилией – Брейсвер. Он родился в стране, лежавшей к юго-востоку от Эринланда – в королевстве Элевсина. Отец его, Ларвальд Брейсвер, работал управляющим у купца по имени Петрик Фрай. Фрай был богатым купцом, дела шли отлично, и Брейсверу, как управляющему мастера Фрая, тоже перепадало – достаточно, чтоб построить себе тот самый очень хороший дом, в котором всегда были куриные ножки на обед и вкусное рагу. Двухэтажный дом, с флигелем и прислугой. В этом доме Дэрри и вырос, и прожил первые пятнадцать с половиной лет своей жизни. Сначала с отцом и матерью, потом только с отцом.

Мать пела ему песни и рассказывала сказки – вечерами, когда они лежали в одной кровати и кутались под теплым одеялом, а за окнами завывала зима. Потом ее не стало – черная болезнь пришла с юга, в тот год трупы жгли прямо на улицах. Дэрри выплакал себе все глаза. С тех пор сказки ему стал рассказывать отец. Отец садился вечером у огня, наливал себе вина, и начинал вспоминать всякие истории о далеких странах, о волшебных землях, о рыцарях и королях. Не все из этих историй были вымышленными – одна, по крайней мере, точно таковой не была.

Ради этой истории, услышанной им от вдребезги пьяного отца, повторявшего ее раз за разом много вечеров подряд, Дэрри и ушел из дома. Просто сбежал посреди ночи, ничего

не сказав и даже не написав записки. Он забрал с собой все деньги, что смог дома найти – так как решил, что ему они пригодятся больше, чем отцу. Отец, поди, все равно новые быстро заработает. Дэрри вылез тогда ночью из окна своей спальни, спустился на улицу, а потом долго стоял и вдыхал холодный и чистый ночной воздух. Запрокинул голову, посмотрел на звезды и рассмеялся. Он был наконец-то свободен и начинал свою настоящую жизнь. Теперь можно было идти куда глаза глядят и делать что хочешь. А главное, быть собой. Он не знал, куда приведет его дорога, а она спустя долгих полтора года привела его в Таэрверн.

Путь этот оказался очень извилистым. Сначала он вдоволь поколесил по дорогам Элевсины, блуждая без четкой цели. Даже попадал несколько раз в серьезные неприятности. Затем почти год, перепуганный до крайности, провел на одной отдаленной ферме, помогая живущей там семье по хозяйству. Те люди проявили к нему доброту, дали приют и пищу, но в конце концов Дэрри понял, что не сможет сидеть у них вечно. Он ведь ушел из родного дома не просто так – у него была мечта, и нужно было хотя бы на шаг приблизиться к исполнению этой мечты. Сделать это можно было только в большом городе. Дэрри уже целых четырнадцать месяцев провел в дороге, и этот срок показался ему крайне долгим. Юному Брейсверу за это время исполнилось шестнадцать лет, и совсем скоро исполнится семнадцать. Пора наконец заняться настоящим делом.

Дэрри тихонько вздохнул, вспоминая свою непутевую жизнь. Потом открыл глаза, приглядываясь к окружающей темноте. Юноша осторожно встал, подошел к окну и уселся на подоконник. Задышал, полной грудью вбирая в себя свежий ночной воздух. Холод отрезвлял.

В квартале, где он вырос, жила одна старуха, совсем сумасшедшая. Она говорила разные глупости, которые иногда сбывались, а иногда нет. Старуха эта была очень страшная, с косматыми нечесаными волосами, и всегда очень громко смеялась, выплевывая очередное пророчество. Предрекала обычно, кто ногу сломает, у кого крыша прохудится. Говорили, она проклятая. Да что там, это по ней и так было видно. Ее и не убили только потому, что боялись ее предсмертного проклятия. Мальчишки, кто похрабрей, кидались в старую ведьму камнями. Дэрри тоже кинул – один раз, хоть и понимал, что поступать так не следует. Она повернулась и поманила его к себе. Надо было убегать, Дэрри хорошо понимал и это, но бежать не стал. Наоборот, подошел поближе.

«А, маленький лисенок, – засмеялась ведьма, – ты, наверно, отбился от матери. И ты совсем еще маленький. Будь я сама побольше, ты бы поместился у меня на ладони. Тебя очень многое ждет, когда ты подрастешь. Ты однажды придешь в большой город. Это будет огромный город с множеством башен, больше нашего. Смотри, не потеряй там себя». Старая ведьма засмеялась. Столько лет минуло, и вот он в большом городе, и смотрит на черепичные крыши – и на звезды, что выше крыш. Тут, наверно, и правда очень легко потеряться.

Дэрри посмотрел на звезды. Ему внезапно представилась возможность, во многом очень притягательная. Утром он вернется к Стефи, извинится за свое бегство и скажет, что готов подумать над ее словами. Что там – точно готов поступить, как она посоветовала, потому что сказала она все правильно. Потом Стефани пойдет работать, а Дэрри отправится к сэру Гэрису. Но не для того, чтобы остаться с ним, а для того, чтобы распрощаться. Он скажет – «до свидания, милорд, вам своя дорога, мне своя, и желаю вам удачи на вашей». Затем устроится на работу к брату Стефани, а может к какому-нибудь плотнику или кузнецу. Скорее к плотнику – Дэрри словно наяву видел, как рубит дерево, как выпиливает его и выравнивает, и как покрывает лаком. И стружка летит во все стороны. Через год он будет уже не просто учеником, а подмастерьем, и денег станет получать чуть больше. А со временем и сам сделается мастером.

Он будет часто принимать заказы, ведь хорошему мастеру искать клиентов не надо, клиенты приходят к нему сами. А Дэрри станет очень хорошим мастером, и всегда будет хорошо работать, никакого бездельничанья, никаких засунутых за пояс пальцев. Он откроет свое дело и купит дом – двухэтажный. Он женится на Стефании – в воскресенье в церкви на рассвете.

Они заживут вместе, и у них родятся дети. Мальчик и две девочки. В чем-то они будут похожи на отца, а в чем-то на мать. Эти дети никогда не узнают в родном доме ни безнадежности, ни одиночества, ни стужи. И их не будут вести безумные мечты о несбыточном. Они смогут жить как все. Как обычные люди, не пытаясь заглянуть за горизонт и не вслушиваясь в песню дорог.

Дэрри просмотрел это будущее, что открывалось ему, с сегодняшней ночи и на многие годы вперед. Да, ему обязательно бы понравилось жить вот так, и Стефи бы тоже понравилось. Дэрри еще раз взглянул на звезды, ясные и колючие, а потом слез с подоконника и закрыл ставни. Постоял, всматриваясь в темноту и к чему-то прислушиваясь, сам не понимая к чему. На миг ему показалось, что где-то там, далеко, играет странная музыка – тихая и немного печальная. «Все началось с того, что я услышал музыку, играющую в ночи...». Дэрри мотнул головой и лег обратно в кровать. Хорошо, конечно, было бы поступить правильно, да видно не суждено. Он уже твердо знал, что завтра утром он вернется к Гэрису и продолжит ему служить.

Спустя много лет, почти перед самым концом, он однажды пожалел, что не остался со Стефани. Но было уже слишком поздно.

Утро выдалось хмурое, и сэр Гэрис тоже был хмур. Может, это мрачное утро сделало Гэриса Фостера мрачным, а может, сам Гэрис своей угрюмостью омрачил утро. Дэрри понятия не имел, как оно обстояло по правде и существовала ли здесь вообще хоть какая-то связь. Одно было ясно совершенно точно – выволочки не избежать. Победивший на недавнем турнире рыцарь косился на оруженосца неприветливо до крайности.

– Я не понимаю, почему вижу тебя сейчас, – сказал Гэрис с высоты седла.

– Не понимаете? – Дэрри поглядел на рыцаря озадаченно. Вечно тот чего-то не понимает.

– Правильней будет сказать, – поправился Гэрис, – я очень недоволен твоим появлением в нынешнем часу, молодой человек.

Разговаривал он порой весьма непонятно. Будто настоящий дворянин.

– То есть как это? Мне что, приходить не стоило? Вы мне отставку выписали?

– Глупый ты болван... Какого дьявола, спрашивается, ты приперся так поздно? Я сказал тебе не задерживаться в трактире, и вот, ты целую ночь пропадал бог ведает где.

– А, вы об этом. Ясно. – Дэрри выдохнул. Вновь поглядел на Гэриса – тот разнообразия ради нарядился в боевые латы и вид имел металлический до крайности. У всех его врагов, наверно, уже поджилки от страха трясутся. – Прошу меня простить, милорд. Это была совершенно непростительная глупость, забыть о ваших словах. Вы вольны наказать меня так, как вам будет угодно.

– Да черт с тобой, – сказал Гэрис неожиданно весело. – Залезай в седло.

Дэрри ухватился за протянутую ему руку и забрался на коня, пристроившись у Фостера за спиной. Тот повернул голову и состроил нечто наподобие ухмылки:

– Приготовься, будет трясти. Это тебе не телега. Надо полагать, не часто прежде ездил верхом?

– Да нет, почему, – пожал Дэрри плечами, – доводилось.

– Вот оно как. Может, тебе и на мечях драться доводилось?

– И это тоже, – сказал Дэрри спокойно. – Недалеко от нашего дома жил один старый сержант. Жена его умерла родами, вот он и остался совсем один. Я вызвался помогать ему по дому. Мыл пол, штопал одежду, готовил обед. Взамен он учил меня обращаться с оружием.

Гэрис хмыкнул.

– Вижу, я не первый, кому ты втираешься в доверие.

– Ваша правда, милорд. Не первый.

Какое-то время они ехали молча, потом Гэрис спросил:

– Ну и с каким оружием учил тебя обращаться твой сержант?

– С обычным клинком, одноручным или полуторным. Учил колоть шпагой, рубить палашом. И тыкать кинжалом. До клеймора или фламберга мы так и не дошли.

– У меня в седельных сумках, – сказал сэр Фостер неожиданно хрипло, – есть лишний меч. Как приедем, достань его и опоясайся – не к лицу тебе ходить без оружия. На днях, как будет время, я научу тебя с ним обращаться. Посмотрим, чего ты уже успел нахватался и чего не знаешь.

– Благодарю, милорд, – сказал Дэрри немного растерянно. Фостер лишь фыркнул в ответ.

Они ехали по уводящим вверх по склону улицам, рассекая людскую сутолоку, и стены Верхнего Города становились все выше, пока не стало казаться, что в мире вовсе нет ничего, кроме этих уходящих ввысь стен. Дэрри вспомнил, как подошел к ним впервые, и как коснулся холодных камней ладонью, чувствуя, как застыли под пальцами годы. Эти циклопические сооружения с самого первого дня внушали ему трепет.

Показалась широкая торговая площадь, а за нею – распахнутые ворота и стоящая подле них стража. Прежде Верхний Город со всех сторон окружал ров, как узнал Дэрри от Стефании, но лет двадцать назад его засыпали землей и убрали мост. Город давно уже не брали штурмом.

При виде Гэриса стражники даже не шелохнулись. Пропустили его в ворота, как своего. Да он и был им свой – рыцарь в роскошных доспехах, на добром коне. Когда проделанный в стене сырой туннель остался позади, Дэрри высунулся из-за плеча Гэриса, изучая зрелище, открывшееся ему по другую сторону крепостных укреплений.

Да. Все здесь выглядело иначе, словно попал в иной мир. Вместо узких проулков, запруженных сердитой толпой – широкие и просторные улицы. Выложенные брусчаткой чистые мостовые, и не чавкает под копытами унавоженная грязь. Нос не забивает смрад выливаемых из окон помоев, потому что никаких помоев никто не льет. Проложенная, как рассказывала Стефи, еще до Войны Пламени система канализации и водопровода работала исправно, починенная и восстановленная еще при деде нынешнего государя. Каменные дома сверкали нарядными фасадами и свежей штукатуркой, красная черепица отражала солнечный свет. Здания не теснились угол к углу, а стояли вольготно, окруженные садами.

Гледерик смотрел – и рот иногда забывал закрыть от восхищения. Проведший много недель среди нищеты и смрада нижних кварталов, он даже предположить не мог, что аристократические районы Таэрверна окажутся настолько благоустроены и благополучны.

Проспекты Верхнего Города были обсажены деревьями, так что складывалось впечатление, будто едешь по тенистой аллее. Ветви могучих тополей, наверно, могли хорошо уберечь прохожего от летнего зноя. На перекрестках и площадях красовались мастерски сделанные статуи, изображавшие воинов в боевой броне и красивых женщин – по всей видимости, героев и героинь старинных преданий. Тонкие лица забытых мудрецов глядели прямоком в вечность, а у влюбленных переплетались беломраморные пальцы.

А впереди, возносясь над прочими особняками и усадьбами, взлетали башнями к солнцу изящные замки – то были резиденции самых знатных и богатых из благородных домов Эринланда. Фэринтайны и Своны, Барлоу, и Хэррисворды, и Дэйрины, все они имели в столице свой угол, даже те из семей, чьи представители наведывались в Таэрверн хорошо если раз в году, остальное время предпочитая проводить в родовых владениях. Помимо дворян, обитали в Верхнем Городе наиболее богатые купцы, королевским указом освобожденные от выплаты налогов, а также приказчики с некоторых преуспевающих мануфактур.

Люди встречались на здешних улицах совсем не такие, как внизу – одежда их не была изношенной и заплатанной, лица не казались озлобленными. Сейчас Гледерик всю мог любоваться прехорошенькими белорукими девицами в не по осени легких платьях, а также завидовать их кавалерам, что вышагивали в пышных нарядах, обязательно при оружии. Драгоценными камнями блистали рукоятки шпаг, золотом и рубинами горели нагрудные цепи.

Небось, в какого из прохожих не ткни, тут же вылезет родословная на десять веков.

– Ну что, – в голосе Гэриса Фостера читался самый искренний интерес, – зрелище, должно быть, немного непривычное?

– Я не в деревне вырос, милорд. У нас в городе тоже были особняки аристократов. Просто здесь они самую малость пороскошней, – Дэрри старался отвечать равнодушно, но на самом деле он был действительно впечатлен. Юноша во все глаза смотрел, как мимо плывут украшенные замысловатой лепниной фасады и проезжают изрисованные гербами кареты. Глядел он также и на людей, которые наверняка никогда не знали нужды или голода.

Большинство домов в этой части города были построены еще в давние годы. Может быть, даже до легендарной войны чародеев, некогда вихрем пронесшейся по земле. Потому здания отличались прихотливым изяществом, несвойственным современной эпохе, архитектура которой тяготела к прямым линиям и куда менее вычурным формам. Старинные особняки, ставшие достоянием ныне здравствующих дворянских фамилий, содержались в отменном порядке, разительно контрастирующем с царившим в Нижнем Городе запустением. Фронтоны многих зданий были украшены искусно вырезанными изображениями людей и фантастических животных. Все это служило напоминанием о давних днях – о прежней эпохе, когда маги еще не предали разрушению все, сделанное до них, и не погрузили материк в смуту.

– Каэр Сиди, цитадель короля, – сказал Гэрис, глядя на вздымающиеся прямо у них на пути стены и башни. – Основан две тысячи назад, в Великую Тьму. На одном из древних языков Каэр Сиди значит – Вращающийся Замок. В те времена, если верить легендам, его башни раз в каждые сутки медленно поворачивались вокруг своей оси, лицом к разным сторонам света. Ибо возводили их волшебники при помощи своих заклинаний. Но теперь эти башни уже давно не вращаются, да и перестроили их с тех пор сотню раз. Дом Грейданов владеет этим местом уже четыре столетия, а до того кто только им не владел. Гляди, Дэрри, вот с этих вот камней начался Эринланд.

– Мать моя женщина, – выдохнул Дэрри, поднимая глаза на встающую до самых небес крепость, неожиданно оказавшуюся очень близко.

Стены королевской цитадели превосходили высотой даже внешние городские укрепления. Но Дэрри и отсюда, снизу, своим зорким зрением хорошо разглядел стоящие на широких парапетах фигуры. Множество маленьких фигурок. Лучники и арбалетчики. Несут дозор и всегда готовы нашить стрелами любого, кто придется им не по душе. И в бойницах башен, надо полагать, засели они же. Юноша почувствовал, словно его прямо сейчас держат под прицелом. Да оно так наверняка и было. Стража может выстрелить во всякого незваного гостя, подъезжающего к крепости, если получит на то приказ. Весело, а вот если представить, что у кого-нибудь там наверху палец зачесется? Вышло бы крайне неприятно – тем, кто ходит внизу.

Подъемный мост над окружавшим цитадель рвом (этот ров никто и не подумал засыпать землей) оказался опущен, и стража стояла подле него. То были воины в доспехах и в красных плащах с белым быком на них, гербом королевского дома Грейданов. При виде Гэриса солдаты скрестили копья. Вперед выступил немолодой мужчина, державший шлем на сгибе локтя – очевидно, офицер. Лицо у него было хмурое и костистое, волосы серые, а надбровные дуги – широкие.

– Представьтесь, ваша милость, – сказал он, – и сообщите, по какой надобности явились к нашим воротам.

– Представляюсь, коли вам так угодно, – откликнулся Фостер. – Сэр Гэрис Фостер. Вы слышали обо мне, ничуть в том не сомневаюсь. Я победил вчера на Большом турнире – сразил лорда Фэринтайна. Я приехал сюда с позволения его величества, для беседы с сэром Мариком Транном. Извольте, пожалуйста, проводить меня к нему. К сэру Марику.

Офицер чуть приподнял брови – очевидно, ему не очень понравилось услышанное. Это было даже немного странно, памятуя о том, что говорил Гэрис против своего обыкновения

очень вежливо. Может быть, подумал Дэрри, дело здесь вовсе не в словах Гэриса, а в его взгляде, или в голосе, или какой-то еще ерунде наподобие. Некоторым людям очень хочется нагубить вне зависимости от того, что именно они говорят.

– Сэр Марик Транн, – сказал офицер, – сэр Марик Транн, помнится, упоминал, что вы явитесь. Состоялся у нас с ним такой разговор. Вернее, он сказал, приедет рыцарь с таким именем, которым вы сейчас назвались – вот его слова, если приводить их дословно. С меня будет довольно вашего слова чести, что вы и вправду тот самый знаменитый сэр Гэрис, а вовсе не какой-то самозванец, выдающий себя за него, чтобы проехать в крепость.

– Вам будет довольно такой малости, как мое слово чести? В самом деле? – Дэрри не видел лица Фостера, но не сомневался, что тот сейчас улыбается. – Рад слышать, милейший. Вот тогда вам мое наичестнейшее слово чести. Клянусь жизнями всех моих родичей, я и в самом деле сэр Гэрис – сэром Гэрисом родился, сэром Гэрисом умру. Теперь вы пропустите меня к сэру Марику, или мне придется съездить в церковь в своем родном графстве, найти там приходскую книгу с записью о моем рождении, привезти сюда и показать вам?

– Это было бы излишне, ваша милость, – поджал губы офицер. – Щит разве что еще покажите.

– Нате вам, – Гэрис продемонстрировал страже треугольный тарч, на котором художник в одной лавке Нижнего Города намалевал с неделю назад расколотый молнией дуб. – Я не использовал его на турнире, – добавил Гэрис, – однако показывал его распорядителям, и если вы спросите их, они подтвердят, что это мой герб. Мне не понадобилось прибегать к щиту, чтобы выбить из Эдварда Фэринтайна всю его эльфийскую дурь. Надо ли мне чем-то еще свои слова подкрепить?

– Вполне хватит ваших щита и вашего гонора, сэр. Тилли, проводи лорда Фостера к капитану, – бросил офицер одному из своих солдат. Тот стукнул себя кулаком по нагруднику, сказал следовать за ним и двинулся в замок.

Гэрис направил коня следом, благо остальные стражники изволили расступиться, пропуская гостей. Когда рыцарь и его оруженосец проезжали по мосту, Дэрри поглядел вниз, в заполненный водой ров, и задумался, какие рыбки водятся в здешних водах. Сесть бы тут и порыбачить – он уже забыл, когда в последний раз брал в руки удочку. Говорят, в рвах при замках часто держат особенных рыб, зубастых и злых. Такие рыбы очень не любят сваливающихся к ним незваных гостей и всегда рады чего-нибудь у тех отодрать, руку, допустим, или ногу. Юноше вдруг отчаянно захотелось изловить пару штук пираний и потом зажарить их на костре.

Внутренний двор Вращающегося Замка размерами превосходил Большой Брендонский рынок раза в два. Весь двор был застроен зданиями в два и три этажа, почище чем иной городской квартал, а между ними в обилии расхаживали люди, как дворяне, так и прислуга. Не иначе, то были всякие складские и казарменные помещения, да прочие пристройки. Имевшихся тут запасов еды наверняка хватит на долгое время. Юноша заметил несколько колодцев. Крепость могла выдержать осаду, даже если весь прочий город окажется захвачен врагом.

Гэрис спешился, и юноша последовал его примеру. Тилли, парень, выглядевший на год или два младше самого Дэрри, но уже весь одоспешенный, обратился к Фостеру, не забыв перед тем поклониться:

– Идите за мной, милорд. Я отведу вас к сэру Марику Транну, в его кабинет.

– Ты это уже говорил, так что веи наконец. А ты, Дэрри, оставайся здесь. Пригляди за конем.

– А что, могут спереть? Коня вашего.

Гэрис не ответил, только почему-то хлопнул оруженосца по плечу – у того аж челюсть отвисла с подобных нежностей. Затем Фостер отвернулся и направился вслед за молодым солдатом. Дэрри поймал себя на том, что чешет в затылке. Нет, к странному же все-таки человеку

ему довелось попасть в услужение. Иногда злится ни за что, иногда поощряет откровенную наглость. Может, Фостер просто повредился рассудком на своих войнах?

Дэрри вздохнул и, перехватив поводья, принялся ждать. Вряд ли сэр Гэрис вернется в ближайшее время. Он ведь пошел на прием к важному господину, а подобные дела быстро не делаются. Сначала положено подождать в приемной до вечерней зари, потому как приняв гостя сразу, важный господин тотчас утратит добрую треть своей важности. Хотя этот сэр Марик по чину человек военный, а у них, может статься, таких заморочек и нету.

Спустя какое-то время Дэрри вспомнил про наказ вооружиться, полученный им от своего господина, достал из седельной сумки ножны с мечом и в самом деле препоясался ими. С оружием он почувствовал себя как-то совершенно иначе – немного непривычно, что ли, но одновременно внушительно. На него то и дело оглядывались, и это вызывало неудобство. Одно дело, когда тебе подмигивают, проходя мимо, миленькие служанки – этим всегда можно улыбнуться в ответ или помахать рукой. Совсем другое, когда зыркают мрачные мужчины в латах.

Дэрри присел на корточки, решив, что едва ли сильно оскорбит этим чьи-то чувства. Вскоре, однако встал – ноги принялись затекать. Прошло с половину часа, а Гэрис все не появлялся, и Дэрри уже было решил, что пора начинать скучать, как вдруг случилось нечто, разом отменившее всякую скуку.

Эта троица спустилась с крыльца напротив. Трое молодых людей благородного вида, одетых в нарядные костюмы – синих и зеленых цветов у одного, красных и голубых у второго, белых и черных у третьего. Первый из молодых дворян носил светло-русые волосы заплетенными в хвост, второй имел каштановую масть и коротко стригся, что же до третьего, черные кудри его едва не доходили до плеч.

Первого юношу звали Томас Свон, второго – Джеральд Лейер, а третьего Дэрри видел впервые. Первые двое встретились Гледерику на Большом турнире, служили, как и он сам, оруженосцами у рыцарей, и, в компании еще троих своих приятелей, намяли ему бока. В тот день Дэрри разгуливал еще без меча, и потому господа Свон и Лейер не стали обнажать своих клинков. Как они сказали, недостойно вооруженным людям сражаться с безоружным, а потому просто побили его кулаками. Хорошо хоть ногами не стали пинать.

Сегодня Дэрри был при мече. Данное обстоятельство совсем его не радовало – не получить бы вызова на дуэль. Удрать, покуда его не заметили, Гледерик не мог – не бросать же чертову лошадь. Он не боялся драки, но и неприятностей не хотел, а если эти парни его заметят, неприятности обязательно случатся.

Парни его заметили – Свон дернул губами, так у него, надо полагать, выглядела улыбка, а Джеральд обернулся к своему черноволосому спутнику и что-то прошептал. Тот коротко ответил, и вся троица направилась прямоком к Дэрри. Ну что ж, делать нечего, придется разговаривать. А затем, очевидно, драться, потому что ничем иным, кроме как дракой, подобные беседы закончиться не способны. Это понятно, даже когда разговор еще не начался.

– Утро доброе, благородный лорд, – Томас Свон поклонился, – позвольте пожелать вам доброго здоровья и всяческой удачи. Мы никак не рассчитывали встретить вас, сэр Дэрри, в этом месте. Как в этот час, так и в любой другой.

– Я не лорд. И не сэр.

– Это мы знаем не хуже вашего, – ответил Свон невозмутимо, – мне лишь было любопытно, сочтете ли вы нужным поправить меня или же посчитаете это излишним. Насколько мне известно, люди вашего круга бывают склонны приукрашивать свои происхождение и статус. Это позволяет им при попадании в пристойное общество избежать неловкости. – Свон говорил очень спокойно и негромко, чуть опустив подбородок, и даже в его взгляде Дэрри не мог прочесть насмешки, хотя и знал, что она там имелась. Пряталась в самых краешках глаз. – Как мне видится, вы оказались здесь потому, что сюда же прибыл ваш хозяин?

– Мой сеньор, – поправил его Дэрри, – хозяева бывают у крепостных, а я вольный человек.

– Никогда бы так не подумал, глядя на вас. Я много раз встречал похожих людей, проезжая по владениям моего отца. Наши арендаторы исправно работали на полях, выращивая и собирая урожай. Простая и честная работа. Никому из них и в голову не придет заниматься делами, несвойственными их природе. Должно быть, эти люди умнее вас – в той, разумеется, степени, в которой простолюдины вообще способны обладать умом.

Дэрри поглядел на остановившуюся в нескольких шагах от него троицу. Свон распилился, очевидно полагая себя очень остроумным, двое его спутников молчали. Джеральд при этом явно испытывал раздражение, а по темноволосому ничего понять было нельзя. Этот остролицый парень в черном камзоле и белом плаще стоял чуть в сторонке, прищулив глаза и положив ладонь на рукоятку меча. Черный камзол и белый плащ... Конечно, цвета Фэринтайнов – черное, белое и еще серебро. Серебряный единорог в черном круге на белом поле, вот их герб.

Вряд ли этот мальчишка родственник сэра Эдварда, разве что не по прямой линии. Ведь иначе у него были бы серебряные волосы и эти жуткие глаза, что кажутся то фиолетовыми, то голубыми, то синими – не поймешь. Все настоящие Фэринтайны, говорят, пошли в одну масть. Но скорее всего, этот парень просто состоит у них на службе. Вместе с герцогом на турнире присутствовал оруженосец, и вроде бы как раз с темными волосами, но вблизи на него Дэрри посмотреть не смог и лица не запомнил. Может, это он и есть?

– Что с вами случилось, позвольте осведомиться? – Свон приподнял брови. – Осмелюсь спросить, неужели вас постигло страшное несчастье, и вы запомнили человеческую речь? Прежде вы обращались с ней куда как более ловко.

– Нет, человеческих слов я не забываю, не вчера с гнезда выпал, – Дэрри вновь оглядел эту троицу.

Пока говорил только один. Томас еще на турнире показался высокомерным и наглým. Гледерик надеялся, что сумел бы пересчитать ему зубы. Да только если дойдет до драки, в нее непременно вступят все трое юных дворян, и бой будет не равен. Может, лучше как-нибудь вывернуться и быстро замять дело? В конце концов, вряд ли на него станут нападать просто так, посреди крепостного двора, на виду у всей здешней публики. Так что если он сам, Дэрри, того не захочет, никакой потасовки не случится.

Правда, тогда весь Таэрверн узнает, что оруженосец Гэриса Фостера – трус, и этому опозоренному оруженосцу ни один человек руки не подаст. А подобный поворот уже совсем никуда не годится.

– Милейший Томас, я просто задумался о разных вещах, – выпалил Дэрри. – Например, я задумался о вас. Вы ведь держитесь очень напыщенно, как я заметил. Ходите, весь такой важный. Разговариваете многозначительно. Просто блевать тянет. Не могу понять – отчего такая церемонность? Может, все потому, что вы вашему почтенному отцу приходитесь всего лишь третьим сыном? Вот и пытаетесь всем доказать, что вы хотя бы дворянский недоросль, а вовсе не дитя служанки и конюха.

И вот тут-то лицо Томаса Свона дрогнуло. У Томаса дернулась щека – прилично так дернулась. Это была первая трещина в той манерной маске, которую третий сын графа Свона пытался носить, и Дэрри поздравил себя с маленькой победой.

– Вы, сударь, недавно к нам приехали и не понимаете, как обстоят здесь дела, – начал было Томас, но Дэрри тут же перебил его:

– А чего мне прикажете не понимать? Старший из ваших братьев унаследует титул и земли. Среднему придется похуже, но если продвинется по воинской службе – тоже не пропадет. А вот вы, Томас – последний в очереди. Родись вы, ну предположим, девицей, вас бы могли замуж выдать. Чтобы породниться с каким-нибудь другим домом. Хотя какая-то польза

с вас была, а так и ее нету. И пристроить некуда, и со двора гнать жалко. Не дробить же владения ради вас, а то еще претендовать на их часть начнете. Я думаю, пристойным рыцарем вам все равно не стать. Только и умеете, что болтать. А на мне вы просто отыгрываетесь.

– В самом деле? – на Томаса было посмотреть страшно. Казалось, он сейчас зашипит или укусит, как потревоженная кошка, которой случайно наступили на хвост. – Неужто вы думаете, будто вам с вашего свиного хлева может быть что-то известно на мой счет? Не много ли вы о себе возомнили, дорогой смерд? Откуда вам знать, какие из детей благородного графа Тобиаса Свона приносят больше пользы семье, а какие меньше? Вы на нашем пороге могли бы разве что просить милостыню – а вместо этого рассуждаете о моей семье с таким видом, будто вам о ней что-то известно.

– Так ведь и вы больно уверенно рассуждаете про меня, – усмехнулся Дэрри.

– погоди, Томас, – Джеральд Лейер, доселе молчавший, ухватил своего приятеля за рукав, – что ты в самом деле, не позорься. Распинаешься перед грязным животным, будто оно способно тебя понять. Это существо... как его звать? Кличка навроде собачьей, никак не вспомню. Это животное и говорить с нами недостойно. Было бы большой ошибкой с ним спорить. Это все равно что вровень с ним встать.

– Недостойно с нами говорить, ты считаешь? – переспросил Свон, наконец забывший о всяком самообладании. – Истинная правда. Оно недостойно говорить со нами, но оно нас внимательно выслушает.

Томас высвободил руку и сделал шаг к Дэрри. Вот теперь на его лице была нарисована настоящая злость. Это чувство Дэрри не спутал бы ни с каким другим. Можно было поклясться – Томас сейчас с удовольствием бы выхватил меч и насквозь проткнул им обидчика. Если бы решился пойти на убийство на глазах у стольких людей. Но кто ж на такое решится. Дэрри чувствовал настоящее удовольствие, наблюдая за охватившими юного эринландского лорденыша чувствами. Он пробил брешь в броне своего противника, и это было прекрасно.

– Послушай меня хорошенько, – сказал Томас, – ты, сучье отродье, за свои слова непременно ответишь. Ты выхаркнешь эти слова кровью на мои сапоги. Никакому простолюдину не позволено разговаривать с высокими лордами в подобном тоне. Я покажу сейчас, как стоит держаться перед господами, ничтожество.

Дэрри с размаху залепил ему пощечину. Джеральд Лейер бросился вперед и выхватил меч – но остановился, потому что острое клинка, который Дэрри уже держал в руке, уперлось третьему сыну графа Свона прямо в грудь. Томас скосил глаза – посмотреть на сталь, нежно ласкавшую дорожку ткань его камзола.

– Ты назвал мою мать сукой, – сказал Дэрри, – за это я вызываю тебя, Томас Свон, за поединок. Я никому не позволю так говорить о моей матери. Она была достойной женщиной. Более достойной, чем ты, мразь, можешь себе вообразить. Так что отвечать за слова придется тебе, не мне. И тебя, Джеральд Лейер, я тоже вызываю на поединок. Ты назвал меня животным. А я не животное, я человек, изволь запомнить. Еще я вызываю на поединок вас, господин в цветах Фэринтайнов. Нечего вам скучать без дела, пока я буду разбираться с вашими приятелями. Я буду драться с вами, со всеми сразу или по очереди, смотря как получится. Но не прямо сейчас, – Дэрри опустил меч. – На нас уже смотрят, нечего привлекать внимание. Назначьте время и место, там и встретимся.

Томас и Джеральд переглянулись. От них обоих словно жар исходил, и Дэрри почти мог почувствовать этот жар. Да, этим двоим не терпелось теперь с ним разобраться.

– Сегодня, – сказал Джеральд. – Вечером. На мосту через Веду, в Жестяном квартале – когда часы пробьют пять после полудня. Приходи один. Если не придешь – мы найдем тебя и прибьем кинжалами к стене, а последний вонзим тебе в глотку.

– Я приду. Главное, чтобы мне не пришлось долго ждать. А то вдруг забудете или испугаетесь. Ладно, неважно. Мы встретимся, а сейчас, господа, подите прочь. Я стерегу коня моего лорда, и мне неприятно ваше общество.

Первым ушел Свон – тряхнул светлыми волосами, развернулся, взметнув синим плащом. Томас был эффектен, и, наверно, наслаждался этим. Джеральд просто плюнул Гледерику под ноги, знатно выругался и последовал вслед за другом. Зато черноволосый юноша в черном камзоле и белом плаще, за весь разговор не проронивший ни единого слова, задержался. Он подошел к Дэрри и встал лицом к лицу, внимательно изучая. Глаза у этого парня оказались очень темные.

– Ты прекрасно фехтуешь, раз вызвал сразу троих на бой, – сказал он. – Или просто идиот. Я буду знать точно – в пять вечера или вскоре после того. – Он слегка пожал плечами. – Мы не были друг другу представлены. Я – оруженосец сэра Эдварда, того самого, которого одолел вчера твой господин. Меня зовут Гленан Кэбри, наследник графов Кэбри.

Дэрри вдруг сделалось не по себе от этих слишком спокойных манер. Он кивнул:

– Хорошо. Мое имя ты слышал. Дэрри. Фамилия – Брейсвер. А титула нет, как ты понял.

– Я это понял, – сказал Гленан. – Но теми, кто мы есть, нас делает вовсе не титул, а кое-что другое, поважнее титула. Надеюсь, ты понимаешь это так же хорошо, как и я. До встречи в Жестяном квартале, мертвец, – он сделал шаг назад, развернулся и пошел прочь, догонять своих спутников.

Дэрри остался совсем один, не считая коня. Теперь можно было дожидаться возвращения Фостера, который что-то совсем задержался. Можно было даже сесть на уже успевшие нагреться камни, опереться спиной о стену и подремать. Выспаться минувшей ночью так и не получилось. Слишком много всякой дряни лезло в голову. Теперь уж вообще непонятно, удастся ли еще в этой жизни покемарить. Возможно, что нет.

– Дружище, – сказал Дэрри коню сэра Гэриса, – похоже, я идиот.

Глава четвертая

Верно говорят, чем человек моложе, тем горячее его кровь и дурнее голова. Это можно было сказать о самом Гэрисе, каким он был еще пару лет назад, это относилось к Дэрри с его бесподобной смесью нахальности и наивности, это вполне касалось и мальчишки по имени Тилли, получившего поручение проводить Гэриса к капитану королевской гвардии. Мальчишка этот так и плясал по лестнице, перепрыгивая через ступеньки, болтал без умолку и все косился на Гэриса через плечо. Видать, его сильно воодушевляло, что рядом вышагивает аж сам победитель давешнего турнира.

Гэрис почти не слушал всю ту ерунду, что тараторил его спутник – больше оглядывался по сторонам. Каэр Сиди совсем не изменился с того дня, как он бывал здесь в последний раз. Это был старый замок, построенный еще в темные годы, во времена Великой Тьмы – до начала записанной истории, когда миром правили фэйри, а разрозненные осколки человеческого рода носило по свету, словно листья на ветру.

Возле массивных дубовых дверей, ведущих в кабинет сэра Марика Транна, Тилли с внезапной нерешительностью остановился.

– Дальше вас ждут, лорд Фостер, – сказал он, потупившись. – Простите, если много болтал. Просто вы такой герой...

– Никакой я не герой, парень, – сказал Гэрис со вздохом. – Я всего лишь один воин, победивший другого. Все воины побеждают друг друга. Это в порядке вещей. Тренируйся почаще – и сам таким станешь.

Распрощавшись с провожатым, Гэрис Фостер переступил порог, закрывая двери за собой – и замер. Шторы были задернуты, большая комната куталась в полумраке, но даже этого полумрака хватало, чтобы разглядеть, что в массивном кресле, стоящем спиной к окну, сидит вовсе не сэр Марик Транн.

– Ваше величество, – сказал Гэрис и замолчал.

– Мое величество, – согласился Хендрик Эринландский. – Идите сюда и садитесь, Фостер. Хочу наконец увидеть вас вблизи.

Гэрис послушался приказа и сел. Ноги едва гнулись. Он опустился в кресло, стоявшее прямо напротив того, в котором расположился король. Хендрик выглядел слегка невыспавшимся, и еще от него немного разило спиртным, но взгляд владыки Эринланда оставался ясен и тверд.

– Вам чего налить? – спросил Хендрик. – Вина? Виски? У сэра Марика еще есть хороший бренди. Я думаю, он не станет возражать, если мы немного возьмем.

– Простите, ваше величество, я не привык, чтоб мне выпивку наливал король.

– Так ведь никто не привык, – ухмыльнулся Хендрик совсем по-мальчишески. – Так вы будете бренди, Фостер?

– Буду.

Хендрик Грейдан неторопливо поднялся, достал с верхней полки бутылку бренди и наполнил доверху два граненых стакана.

Пили какое-то время молча.

– Вы удивили меня, Гэрис, – признался король через несколько минут. – Явились из ниоткуда, разделались с моим великолепным кузеном. Я сам не понимаю, как согласился взять вас на службу. Будто в голове немного помутилось... От удивления, наверно. Но когда удивление прошло, я задумался – может, вы шпион Клиффа? Он крепко зол на меня за эту весну, и я его даже в чем-то понимаю на этот счет. Я приказал о вас расспросить. Оказалось, вас помнят. И в самом деле всю жизнь воевали на юге, а весной явились на мой призыв... но ваш отряд,

вроде бы, весь погиб у Реки. В столице вас с тех пор не видели. Вы дезертировали? А может, вас взяли в плен и переманили?

– Ни одна гарландская тварь не брала меня в плен, – сказал Гэрис честно. – Я был серьезно ранен, могу показать под рубашкой шрамы, если не верите. Меня подобрала крестьянка. Ее звали Анна, и она живет на ферме недалеко от Стоунбриджа. Выхаживала все лето. Вы можете найти ее, но она подтвердит мои слова, – это тоже было правдой. Такая крестьянка в самом деле жила на ферме недалеко от деревни Стоунбридж, и, найди ее королевские прознатчики, она слово в слово подтвердила бы рассказанную им сейчас историю. Он никогда не видел эту крестьянку, но сила, пославшая его сюда, ясно дала понять, что позаботится об этом. – Когда я слегка оклемался, – продолжал Гэрис, – начал вновь тренироваться. Я воин, ничего другого больше не умею. Всю жизнь с кем-то дерусь. И пью, в промежутках, – он приложился к стакану. – Я решил явиться к вашему двору. Я знаю, это было дерзко, проситься в вашу гвардию. Но я хорошо дерусь. Я верю, что я этого заслуживаю.

– Я потерял на этой войне двоюродного брата, – сказал Хендрик. – Вы знаете, каково это, терять брата?

– Я был единственным ребенком в семье, сэр.

– Тогда лучше вам этого не знать. Гилмор всегда был странноват, конечно. Как и все в его роду странноваты. – Король залпом выпил стакан, потянулся к бутылке, налил себе еще. Гэрис молчал. – Они с Эдвардом, которого вы вчера поколотили, были не разлей вода. Оба головой в своих книгах, в песнях, в старых преданиях. Гилмор иногда брэнчал на лютне. Но и с мечом тоже обращался хорошо. И он, и Эдвард – они часто ставили мне синяки. Вы знаете, что мы все трое происходим от сказочных эльфов?

Гэрис допил свой стакан.

– Я охотно про это послушаю. Но можете мне сперва обновить, ваше величество?

– А вы наглец, Фостер.

– Просто не хочу от вас отставать.

– Говорю же, наглец. – Хендрик наполнил бренди протянутый Гэрисом стакан. – Так вот, эльфы. В старину всем Севером правили сиды. Было это лет с тысячу назад, что ли. Они строили тут свои замки. Этот вот замок эльфийский. Был когда-то. Потом пришли люди, эльфам пришлось слегка потесниться. С ними было немало стычек. На западе, в Иберлене, так и вовсе настоящая война. Ну, а здесь все закончилось тихо. Кто-то из сидов ушел, кто-то остался и смешался с людьми. Вот Фэринтайны – из тех, кто остался. Эльфийского долголетия у них, конечно, уже давно нет, но люди все равно их побаиваются. Они хоть и живут, как всякий смертный, и умирают в положенный срок, но выглядят все равно странновато. Я и сам Фэринтайн, по матери. Но Эдвард с Гилмором – вот уж кто олицетворял свой род во всем. Гилмор поменьше, правда. Гилмор был младше меня на пару лет, и я взял его под опеку. Он всегда был в походах, сопровождал меня везде, куда бы не посылал нас отец. Там он немного обтесался, стал не таким заносчивым. Мы часто с ним горланили солдатские песни и ходили в бордели. Он говорил, я научил его быть мужчиной. Пить, как мужчина. Драться, как мужчина. – Хендрик разгорячился. – Вы меня в этом поймете, Гэрис. Мужчина должен быть настоящим бойцом. А не изнеженным аристократиком, пишущим стихи. Гилмор стал настоящим мужчиной. А Эдвард... Вы знаете, почему я взял вас к себе? Вы уделали его на глазах у всех. Я был рад, как ребенок. Согласитесь, он того заслуживает.

– Не мне об этом судить, ваше величество. Мой дед был простым лесником, а лорд Фэринтайн даже знатнее вас.

– Но вы судите. По глазам вижу. У вас злой взгляд, когда я его поминаю. Я и сам не знаю, как к нему относиться. Я доверял Гилмору, а Эдвард... Он как кусок льда. Мне холодно с ним разговаривать. У меня до сих пор нет ребенка, вы знаете? Это знает все королевство. За пять лет жена так и не родила мне ни сына, ни дочери. Советники говорят мне развестись с нею,

но я люблю чертовку. Да и потом, вдруг дело не в ней, а во мне? В любом случае, мне было проще при мысли, что трон, если что, наследует Гилмор. А теперь его нет, все прибрал к рукам Эдвард. Даже хочет взять невесту Гилмора себе в жены. Не знаю, как бедняжка Гвенет на такое пойдет. Поймите, Фостер – мне не на кого опереться. Половина моих лордов кормят воронов у реки Твейн. Мой кузен, что был мне как брат, пал там же. Мой наследник – эльфийская тварь, и его глаза холодны как стекло. Я не знаю, можно ли вам верить, но мне вообще некому верить. А сейчас мне нужны верные люди. – Хендрик продолжал пить, его речь становилась все горячее, и было видно, что скоро бренди возьмет свое. – Я думаю, вам стоит это знать, Гэрис Фостер, раз уж вы будете носить мой герб на плаще. Вы очень вовремя сюда явились, мне как раз нужны хорошие воины. Я скоро пойду на Клиффа. Еще до Нового года. До первого снега. Я наматаю его кишки на свой топор.

Гэрису удалось сделать так, что и тени чувств не отразилось на его лице. «А Хендрик хорошо захмелел, и как быстро, – промелькнула мысль. – Если уже готов изливать душу наемнику, которого видит второй раз в жизни. Раньше он был сдержаннее, опасаясь шпионов – или поражение развязало ему язык?»

– Война только недавно закончилась, – сказал Гэрис спокойно. – Вы сами сказали, половины ваших лордов больше нет. Люди устали. И кто начинает войну осенью?

– Я начну, – сказал Хендрик с яростью. – Половина лордов мертвы, но живые – злей чертей. Я потерял на реке Твейн не только своего брата, но и свою честь. Клифф гнал меня, как охотник гонит оленя. Вы думаете, я забуду ему такой позор? Народ и без того болтает о слабом короле, что потерял свое войско. Нет, Фостер, так просто я этого не оставлю. Вы знаете, что было с моей королевой, когда я возвратился с войны? Она плакала, когда мы остались наедине. Она верила в меня, как в героя из сказки, а когда я вернулся домой, мой щит был помят, и левая нога едва волочилась. Я люблю Кэмерон больше жизни, и она вновь будет мной гордиться. Мы выступим очень скоро, недели через две или три. Не больше, чем через месяц. Теперь я буду гнать Клиффа. Я верну наши земли, а потом заберу себе весь Гарланд без остатка. Я купил наемников. Они скоро явятся в город. Я потратил на это всю казну, но оно того стоит. Клифф еще меньше вашего ждет войны, и его армия тоже устала.

– Вы заключили с ним вечный мир, – напомнил Гэрис.

– Это просто дрянная бумажка. Я не первый король, который нарушит договор такого рода. Я не закончил эту войну, Фостер, но теперь уж я точно ее закончу. Вы поскачете в бой рядом со мной?

Гэрис подумал о двух битвах, что прошли у той проклятой реки, название которой они были вынуждены каждый раз вспоминать. Особенно о второй битве. О четырех днях безумия, и о земле, утонувшей в крови. Он видел много сражений, но это оказалось худшим из всех.

– Конечно, я буду с вами, государь, – сказал он. – Я приехал сюда не затем, чтоб просиживать штаны в казарме, и мне всегда нравилась добрая драка. Вдобавок, мне тоже есть за что поквитаться.

– Вот это добрые слова! – сказал Хендрик, опорожня второй стакан. – Думаю, мы подружимся. Я сейчас позову за сэром Мариком, он покажет вам замок. Будете спать в казармах королевской гвардии, недалеко от моих покоев. Я слышал, при вас крутится какой-то оруженосец. Он вас устраивает? Если нет, могу подобрать другого. Есть на примете несколько крепких молодцов. Прикроют вас в бою.

– Спасибо, ваше величество. Не нужно. Дэрри – хороший парнишка. Он мне вполне подходит. Он сейчас ждет меня внизу, на дворе. Уже весь извелся, наверно.

– Ну, это вряд ли, – сказал Хендрик. – Я вот в его годы всегда находил, чем себя занять. Думаю, и вашему оруженосцу скучно не будет.

Скучно Дэрри и в самом деле не было. Вызов на бой трех знатных господ уж точно заставил его позабыть о всякой скуке. Тем не менее, когда вернулся Фостер, Дэрри ни единым словом не обмолвился ему о своих неприятностях. Сэр Гэрис казался мрачным и чем-то больше, чем обычно, озабоченным.

– Хорошо поговорили с этим вашим сэром Транном, милорд?

– Я говорил не только с ним. Но разговор и правда оказался хорош, – ответил Гэрис достаточно сухо. – Пошли, покажу тебе, где будешь спать.

Казармы королевской гвардии располагались в одном из пристроенных к донжону флигелей, на небольшом расстоянии от приемного зала. Сейчас здесь было не очень многолюдно – как объяснил Дэрри Гэрис, большая часть этой почетной гвардии, бывшей отрядом личных телохранителей государя, погибла на войне. В живых осталось едва ли пятнадцать рыцарей, из прежней полусотни. Гэрис указал Дэрри жесткое ложе в общем зале, на котором тому предстояло спать.

– Не герцогские перины, – сказал он, – но тебе пойдет.

– Я спал и в худших условиях частенько. Спал на соломе, и на траве тоже спал, и совсем на голой земле. Этим меня не напугать, сэр Гэрис. Разрешите быть свободным на этот вечер? Очень надо.

Фостер очень внимательно на него посмотрел:

– Ты отлучался вчера, и отлучаешься сегодня. Видно, твоя барышня и впрямь хороша.

– Стефани хорошая девушка, врать не буду. Но иду я не к ней. Возникли срочные дела.

– У тебя могут быть какие-то дела, помимо моих дел? – Гэрис усмехнулся. – Ладно, иди, – он протянул оруженосцу золотой фунт. Удивительная щедрость – будто он и не давал денег еще вчера, на куртку. – Когда напьешься со своими друзьями, не забудь тост и в мою честь.

– Это уж непременно, милорд.

Жестяной квартал Дэрри нашел быстро. Населенный в основном ремесленниками, застроенный литейными и мастерскими, он раскинулся на берегах реки Веды, одного из притоков многоводной Тамры. Когда часы на Башне Ульрика пробили пятый час пополудни, юноша уже стоял посредине перекинутого над Ведой моста и смотрел вниз, глядя на то, как неспешно катятся темные воды. Он кутался в плащ. Ему было немного зябко и очень страшно.

Троица, которую он ожидал, появилась не сразу – они опоздали, наверно, минут на двадцать. Молодые люди выглядели оживленными и беспечными, будто пришли на дружескую встречу, а не на бой. Томас что-то с широкой ухмылкой рассказывал Джеральду, активно жестикулируя, а тот в свою очередь рассеянно кивал. Дэрри сжал зубы и положил ладонь на рукоятку меча.

– Ты не сбежал? – спросил Джеральд, когда молодые дворяне подошли поближе. – Я сделал ставку, что ты сбежишь. Зачем ты остался, дубина? Мы же тебя уьем. – Он и впрямь казался удивленным.

– Я сюда не болтать с вами пришел, – ответил Дэрри на это как мог спокойно. – Доставьте мечи, и за дело.

Он был очень рад, что под плащом не заметно, как дрожат руки.

– Это крестьянское отродье, – задумчиво сказал Свон, – не вполне понимает, что сначала нам нужно будет выбрать подходящий тихий переулок. Ни один дурак не станет драться напрямиком на мосту, привлекая внимание и зевак.

– Один дурак точно станет, – сказал Дэрри громко и отчетливо. Он встал прямо напротив своих противников, снял плащ и обмотал его вокруг левой руки. Вытащил из ножен меч. – Делать мне нечего, бродить с вами по окрестным трущобам. Мы сделаем все здесь. Все равно прохожих нету. Я убью вас быстро, это мне труда не составит. А потом пойду и напьюсь – мой господин дал мне целый золотой фунт.

– Я вижу, – протянул Свон, – вы не только безродны, но еще и душевно больны. Лишь безумец станет вести себя настолько нахально, находясь в меньшинстве.

– Скажете тоже, безумец. Просто я не трус, в отличие от вас.

На самом деле, несмотря на эти дерзкие слова, Дэрри было очень страшно. Он прекрасно понимал, что у него нет никаких шансов уйти отсюда живым. Именно поэтому он и старался говорить так самоуверенно, как только мог. Нечто подсказывало ему, что сегодня его бедовые приключения и закончатся – и тянуть с этим он совсем не хотел.

Собственные спесь и гонор представлялись теперь Гледерику ужасающе смешными. Но он действительно совершенно взбесился, когда молодой Свон обозвал его сучьим отродьем. Молодому Брейсверу показалось, этим аристократ как-то позорит честь его покойной матери. «А может, – сказал себе вдруг Дэрри, – я просто за слово уцепился. Может, я просто был зол. Эти выскочки посмели поносить меня так, будто я и вправду бездомный пес». Подобного Гледерик простить им не мог. Все-таки, у него тоже имелась гордость. Пусть даже неочевидная для окружающих.

– Ну что? – спросил Дэрри. – Будем драться или вы здесь ночевать собрались?

На лицах трех молодых дворян при его словах отразились смешанные чувства. Джеральда, похоже, подобная бравада забавляла и он с трудом сдерживал усмешку. Томас, напротив, испытывал возмущение. Ему не терпелось поскорее расправиться с дерзким простолюдином.

– Я дерусь с ним первый, – заявил он решительно. – Если убью, будем считать, расквитался и за вас тоже, – он двинулся к Дэрри, потянув из ножен клинок. Гледерик ожидал увидеть у противника шпагу, но это оказался тяжелый палаш односторонней заточки, с широким лезвием и рукоятью без драгоценных камней.

Неожиданно, решил молодой Брейсвер. Такой павлин скорее предпочел бы рапиру с позолоченным эфесом. Или нечто подобное, не менее вычурное.

Томас Свон сделал шаг вперед, слегка сгибая колени. Он казался на редкость злым, и смотрел на противника едва прищурясь. Дэрри попробовал зеркально отразить его стойку, насколько у него это могло получиться, и вскинул меч в защитной позиции. Словно увидев в этом приглашение к бою, юный аристократ метнулся к противнику и немедленно атаковал.

Томас ударил размахнувшись, с плеча, и вложил в сделанный им замах всю силу. Свистнула сталь, ударила закатным бликом в глаза. Свон легко сбил выставленный Гледериком меч – так резко, что заболела кисть, и молодой Брейсвер едва успел отступить.

Томас в ту же секунду вновь замахнулся, уже с другого плеча, и опять ударил. Бил он с яростью, особо не примериваясь – просто лупил в белый свет, зато от души. На этот раз Дэрри кое-как принял удар на гарду, чувствуя напряжение в выворачиваемой руке. Его враг был силен и охотно своей силой пользовался, а сам Гледерик, хоть и учился фехтованию раньше, еще не совсем к нему приспособился и боевого опыта почти не имел.

Младший графский сын, обвиненный Гледериком в никчемности, усмехнулся – скорее уж хищно ощерился, и сделал своей кистью быстрое круговое движение. Меч вылетел у Гледерика из рук и покатился по мосту. Брейсвер собирался было кинуться за ним – но понял, что тогда подставит врагу спину.

Видя его колебания, Томас Свон рассмеялся. Не оставалось сомнений, что он сейчас торжествует и абсолютно доволен собой.

– У вас осталось ровно два варианта для действий, мой дорогой помоечный друг, – сказал эринландский аристократ сладко. – Вы можете броситься бежать, и тогда я убью вас в спину. Вы можете стоять так, как стоите сейчас, и смотреть мне в глаза – и тогда я все равно вас убью. Но в момент смерти вы обретете хотя бы подобие человеческого достоинства.

Гледерик выдохнул, сжимая кулаки и чувствуя, как его всего трясет. Хотелось ругать себя за собственную глупость и нелепую гордыню, хотелось броситься улепетывать отсюда со всех

ног, хотелось оказаться дома, поужинать – и чтобы событий последних сумасшедших двух лет не случилось вовсе, а отец предложил выпить немного вина и завел свои обычные пьяные рассказы. Ничто из этого, однако, не представлялось юноше сейчас возможным.

«Похоже, моя песенка спета, и спета куда быстрее, нежели я хотел».

– Бейте, сударь, – сказал Дэрри ровно, – и бейте, как вам будет удобно. Я не побегу.

– Хорошо, – сказал Томас с удовольствием. – Ударю. Или может, – он чуть помедлил, – я уступлю эту честь кому-то из друзей. Ты ведь вызвал на поединок и их тоже. Джеральд, Гленан, что скажете? – он повернул голову, ища поддержки у своих спутников.

В этот момент случилось нечто не предугаданное до того никем. Гленан Кэбри, тот самый черноволосый юноша, что носил цвета герцогов Фэринтайн и недавно, на дворе Вращающегося Замка, назвал Гледерика не то смельчаком, не то безумцем, неожиданно сделал два шага вперед и встал рядом с Дэрри. Плечом к плечу с ним и лицом к собственным приятелям. Сделав это, он очень медленно вытащил меч и обратил его острием в грудь Томасу.

– Как это понимать, Глен? – оторопело спросил Томас Свон.

Наследник графов Кэбри пожал плечами:

– Этот человек храбр. Не знаю, какого он происхождения, но ему хватило смелости выйти против нас троих. Я с ним не ссорился, и не хочу, чтоб вы его убили.

– Я думал, мы с тобой друзья, – оторопело сказал Томас и, после короткого колебания, направил клинок против товарища.

– Это ты так думал, а я просто пил с тобой за компанию, – голос Гленана был совершенно беспечен. – Все дело в деньгах твоих родителей, которые они тебе щедро дают на попойки, а не в тебе самом, Томас. От твоего заносчивого вида меня воротило уже давно. К счастью, теперь я распрощаюсь с тобой, а потом напьюсь с молодым мастером Брейсвером на деньги его господина.

– Ты в этой жизни больше уже никогда не напьешься, это я тебе обещаю, предатель, – сказал Свон и бросился в атаку.

Он сделал глубокий колющий выпад, метя Гленану в горло, но тот легко закрылся. Мечи столкнулись с холодным скрежетом. Томас грязно выругался и нанес очередной размашистый рубящий удар в своем излюбленном стиле.

Гленан вновь поставил блок – сделал он это довольно легко, словно и не утруждаясь. Все эти приемы, похоже, не являлись для него чем-то непривычным. Еще бы – наверняка у него были хорошие учителя и долгие годы практики. Дэрри, даром что сам прежде почти не дрался всерьез, достаточно все же хорошо разбирался в фехтовании, чтобы понять – Свон владеет мечом намного хуже, чем Кэбри, и шансов на победу в этом бою не имеет. Противники замерли напротив друг друга, обменявшись изучающими взглядами.

Сам Дэрри, хотя и подобрал свой меч, пока даже не пытался вновь вступить в схватку. Он слегка нерешительно посмотрел в сторону Джеральда Лейера – а тот внезапно пожал плечами и ухмыльнулся:

– Я против Глена драться не буду, и против того, кого Глен поддержал – тоже. Можешь на меня так не пялиться, – Лейер сделал шаг вперед, обходя сражающихся, и протянул Гледерику кожаную флягу. Тот, после короткого колебания, ее принял и сделал глоток. Виски, оказавшийся горячим и крепким, до самого желудка обжег пищевод.

– Благодарю, – выдохнул Дэрри с усилием, опершись спиной о перила.

– Благодарить не стоит, – встал рядом Джеральд. – Лучше посмотрим, как Томас станет выкручиваться.

Шансов выкрутиться у Томаса нашлось крайне немного. Он еще несколько раз, хищно ощерясь и глотая ругательства, попробовал атаковать Глена, но каждый раз натывался на жесткую и уверенную оборону. Молодой Свон дрался горячо и обладал достаточной силой – а вот мастерства ему не хватало. Он был поспешен и сражался не очень обдуманно, то и дело при

выпадах открывая свой корпус. Окажись его недавний товарищ настроен чуть более решительно и попытайся нападать, а не защищаться, Томас непременно бы уже получил ранение, а то и два.

Гленан, в свою очередь, проявил себя как толковый боец. Он вел себя осторожно, осмотрительно, когда надо – проявлял хитрость. Очертя голову вперед не лез – напротив, выжидал и изматывал противника. Все неприятельские наскоки молодой Кэбри отражал решительно, сам же экономил дыхание, старался лишний раз не открыться.

Гленан, по всей видимости, и прежде уже не раз сходил с Томасом в поединках, только учебных или дружеских, а не боевых. Кэбри успел хорошо изучить Свона, знал его манеру боя и теперь охотно этим знанием пользовался. Его собственные движения оставались экономными и скупыми, а Томас тем временем начал уже слегка уставать. Дыхание его стало тяжелым и шумным, удары порой запаздывали.

Наконец Гленан Кэбри сделал шаг вперед и с силой выбил у наследника графов Свон меч из рук. Точно также, как тот обезоружил Гледерика. Томас отскочил назад, бешено вращая глазами.

– Убивать я тебя не буду, не бойся, – сказал Глен ему довольно холодно. – Моему отцу не нужен скандал с твоим отцом, а этот скандал непременно случится, если я снесу твою голову с плеч. Убирайся отсюда, и чтоб я тебя больше рядом с нами не видел.

Томас сплюнул на землю. В этот момент от его утонченных аристократических манер не осталось и следа. Он выглядел настолько взбешенным, что можно было подумать, начнет вот-вот ругаться подобно портовому грузчику.

– Мне жаль, что я с тобой водился, – процедил Свон. – Ты настоящая лживая мразь, совсем как твой сэр Эдвард.

Кончик меча Гленана чуть дрогнул.

– Я правда не хочу тебя убивать, – повторил Кэбри. – Иди, Томас. Не позорь себя больше, чем уже опозорил.

Черты лица Томаса исказила ярость. Было видно, что он хотел бросить какое-то еще оскорбление – но пересилил себя, отвернулся и быстро зашагал прочь, даже не подобрав и не вернув в ножны своего клинка. Тот так и остался валяться на камнях. Дэрри спрятал подаренное ему Гэрисом оружие и посмотрел на Гленана.

– Кажется, я и впрямь должен угостить тебя выпивкой, – сказал он медленно.

– И ты это сделаешь, – кивнул Кэбри. – После этого мы будем в расчете.

– Заметано. – Дэрри перевел взгляд на Джеральда, молча стоявшего в стороне. – А вы, милорд? Вы ведь тоже намеревались меня убить.

– Я все-таки не последняя скотина, – сказал Лейер очень серьезно. – Поступок Гленана пристыдил меня. Мы и впрямь повели себя недостойно, решив к тебе прицепиться. В конце концов, ты служишь у Фостера, а этот человек вчера победил лучшего рыцаря королевства. Нам не следовало тебя задирать.

– За тебя я, если что, платить не буду, – ответил Дэрри на эту тираду, опасаясь, что этот детина тоже решил поживиться его золотым фунтом. – Ты назвал меня животным.

– Не плати, – легко согласился Джеральд. – Мой отец не так беден, как отец Гленана, и я всегда плачу за себя сам. Но и зла на меня не держи тоже. Я был дурак, и поддерживал Томаса зря. – Джеральд сделал шаг вперед и протянул Дэрри руку. После короткого колебания, тот ее пожал.

– В голове не укладывается, – сказал Дэрри, отворачиваясь и перевешиваясь через перила моста. От пережитого напряжения его замутило. Гледерик приложил усилие, дабы не сблечь у всех на виду.

Внезапно юношей овладела злость – направленная в первую очередь на себя самого. Гледерик осознал, что действовал крайне глупо во всей этой истории с дуэлью. Дэрри понял, что

попросту разбрасывал красивые жесты, не умея толком за себя постоять. Наверняка со стороны это смотрелось беспомощно и нелепо. Может статься, Гленан Кэбри просто пожалел его.

«Я буду теперь гораздо умнее. Осмотрительнее. Хитрее. Я выжил чудом. Только из-за порядочности этих парней. Впредь стоит вести себя осторожнее. Изворотливее, если потребуется. Иначе я и месяца не протяну в здешней столице. Едва не сделаться трупом в первый день пребывания при дворе, и все почему – из-за никчемной глупой гордыни».

Стараясь отогнать неприятные мысли, Гледерик с напускной беспечностью сказал:

– Вот же как смешно иной раз получается. Я-то думал, мне предстоит верная гибель – а готовиться следовало к хорошей попойке.

– Представь, что пьешь на том свете, в залах павших воинов, – посоветовал ему Гленан Кэбри с внезапным смешком. – Вдруг это тебя взбодрит.

Ночь пала черным саваном, накрыв собой мир. Город спал, забывшись напуганным, беспокойным сном. Дворцы знатных лордов и лачуги нищих – все они скрывались во мраке, скованные тревогой. Кое-где сияли огни – горели костры дозорных на верхушках башен, светились веселые окна харчевен. Но даже они не рассеивали окружающий мрак, а словно бы делали его еще более густым и плотным.

Каэр Сиди и сам казался вылепленным из непроглядной тьмы. Гэрис прошелся по парапету западной стены, ища место, где был бы незаметен часовым. Вскоре такое место обнаружилось, в тени одной из башен – тех самых, что, по старым легендам, когда-то вращались, осматривая во все концы земли Эринланда. Фостер оперся о зубец стены и долго вглядывался в беспокойный мрак. Затем он отвернулся, достал из ножен кинжал, клинок с длинным волнистым лезвием, и полоснул себя по кисти левой руки. Тяжелые капли крови, набухая в воздухе, упали на холодные камни под ногами. Гэрис выдохнул и принялся ждать.

Она вышла из тьмы, и походка ее была бесшумной, как и всегда. Ее рыжие волосы алели вспышкой закатного пламени в непроглядной ночи. Ее голубые глаза блистали серебряным светом северных звезд. Ее кожа была белее первого снега. Шлейф темного платья летел по воздуху. Прекрасная и холодная, госпожа Кэран, что звала себя Повелительницей чар, встала напротив своего верного рыцаря.

Гэрис преклонил перед ней колено.

– Моя леди, – сказал он, пряча глаза.

Рука чародейки легла ему на плечо:

– Встань, – велела она. – Время для церемоний уже прошло или еще не настало. – Подчинившись этим словам, Гэрис Фостер поднялся на ноги и спрятал кинжал. Чародейка провела рукой по его щеке, пристально вглядываясь в глаза, а потом отвернулась, рассматривая вздымающиеся вокруг башни. – Каэр Сиди, – произнесла она задумчиво. – Если я и видела его раньше, то только издалека. Спасибо, что открыл мне дверь. Мне не хватило бы сил переместиться сюда самой, без твоей крови. Кровь открывает любые пути. Скажи, как тебе возвращение в родной город?

Гэрис слегка дернул правым плечом.

– Такая же грязная дыра, как и раньше. Ничего не изменилось. Нищие на каждом углу, вонь, уличные бандиты. Надменные лорды в своих чертогах, верящие, будто вокруг них крутится мир.

– И все же ты любишь этот город. Ты ведь так рвался сюда, мечтая скорее покинуть мой гостеприимный кров.

– Твой гостеприимный кров – подземелье, в которое не проникает ни единый лучик света. Я думал, что рехнусь там. Да я почти отвык от света за эти дни. До сих пор шурюсь на ярком солнце. Как ты можешь жить там и не сходить при этом с ума? Я все время чувство-

вал себя погребенным заживо у тебя дома. Это же просто могила. Почему, Кэран? Чего ты так боишься? Почему просто не уйти оттуда?

Чародейка улыбнулась. Подошла к нему, взяв за руки:

– А почему ты так рвался вернуться в эту клоаку, где пахнет грязью и нечистотами, а люди глупы и невежественны? Это твой дом, а дом не выбирают. В него возвращаются, даже если он жалок или убог. Мой дом мало в этом смысле отличается от твоего. Думаю, ты понимаешь это и сам.

Гэрис и правда понимал. Кэран была волшебницей – возможно, одной из последних, оставшихся на земле. Она была молода, лишь недавно разменяла свою двадцатую зиму – но с детства училась у воспитавшей ее в глухомани матери секретам древнего колдовства.

Когда-то, много веков назад, подобных ей было много – чародеев, волшебников, повелителей потусторонних сил. Они правили городами и крепостями, и короли преклоняли перед ними колени. Люди и последние из фэйри, не ушедших в волшебную страну и смешавших свою кровь с человеческой, постигали тайны высшей магии. Эту историю знали все, кто интересовался повестями о былых днях. Историю о том, как однажды колдуны возгордились настолько, что стали бороться друг с другом ради абсолютной власти.

Война Пламени изранила землю. В ней пали почти все древние чародеи. Немногие выжившие не стали победителями – напротив, они сделались проклятыми тварями в глазах простого народа. Их сторонились и за ними охотились. Жгли на кострах. Некоторые предпочли отказаться от магии, сжечь свои книги и жить, как простые люди. Так сделали, например, первые герцоги Фэринтайн.

– Ты задумался о чем-то? – спросила Кэран, проводя рукой по его лбу.

– Так, ни о чем.

Он думал о тех днях, что пролежал, бессильный и разбитый, в подземной пещере, бывшей ее домом – а она склонялась над ним и своей магией пыталась вдохнуть в него жизнь. Тогда он едва понимал, где находится и что с ним происходит. Бредил. Бродил вдоль ворот смерти. Иногда приходя в себя, он видел над собой рыжеволосую девушку с холодным взглядом. Она касалась его горячего лба своими руками, и забытие слегка отступало.

– Я думала, – призналась волшебница, – ты нарушишь наш договор. Сбежишь и не дашь о себе вестей.

– Я бы не смог так поступить.

Он в самом деле не смог бы. Она сделала для него слишком многое. Многое подарила и многое отняла. Он боялся ее и одновременно жалел. Порой Гэрис видел в ней не могущественную волшебницу, способную на вещи, недоступные прочим смертным – а одинокую девочку, выросшую в глуши. Схоронившую мать, не знавшую отца, выросшую на преданиях о былой славе. Она выхаживала его от смертельных ран, измученного, еле живого. Без нее он бы погиб.

– Как твои успехи? – спросила Кэран. – Помимо того, что ты здесь.

– Я победил на турнире. Расправился с Эдвардом. Сам не знал, что мне так повезет. – Гэрис нахмурился. – По-моему, он поддался мне. Понять бы еще почему... Затем я попросил Хендрика принять меня в королевскую гвардию. Ты ведь просила меня войти в его окружение, а гвардия – лучший способ добиться этого. Я попробовал оплести его чарами подчинения, как ты учила. У меня получилось, хоть я и провалился потом без сознания целый час.

– Ты многого добился, – признала Кэран. – Я знала, что стараюсь не зря. Когда я нашла тебя там, у реки Твейн... Помню, ты лежал среди горы трупов, весь в крови. Жизнь едва теплилась в тебе. Я чудом почувствовала древнюю кровь, тогда еле теплую в твоих жилах. Я очень благодарна тебе. Ты дал мне шанс на исполнение моего плана.

– Это я должен быть тебе благодарен за спасение от смерти, – признал Гэрис. – Но я все равно не могу быть благодарен за это. – Он поднял руку и, в пояснение своих слов, про-

вел ладонью по лицу. По тому самому лицу, с которым уже почти четыре месяца просыпался по утрам и засыпал вечером. Он коснулся пальцами надбровных дуг, выступающих вперед и тяжелых. Коснулся носа, что казался слишком большим и грубым, и массивного квадратного подбородка.

Чародейка перехватила его ладонь – и сжала его пальцы в своих.

– Я понимаю твой гнев, – сказала она мягко. – Я понимаю, что ты считаешь себя моим пленником, орудием моей воли. Но когда ты исполнишь то, о чем мы условились – я верну тебе твое лицо обратно. Ты сам понимаешь, что если бы я оставила тебе прежний облик – ты бы ни за что не смог выполнить ту миссию, что тебе предстоит. Это все лишь на время, и ты сам это знаешь.

Гэрис выдохнул. Злость, что было вскипела в нем, стала угасать, оставив по себе лишь привычное, немое равнодушие.

– Я все это прекрасно понимаю, можешь не объяснять. Что до миссии, о которой ты говоришь... Я разговаривал сегодня с Хендриком. Он и в самом деле начал мне доверять, похоже. Скоро он вновь двинется в поход, как ты и предполагала. Хочет поквитаться с Клиффом за все.

– Очень хорошо, – сказала Кэран. – Я надеялась на это. Он поскачет к границе, и ты должен его сопровождать. Неважно, победит он или проиграет на этой войне – меня устроит любой исход. Колесо года почти завершило свой оборот, мой рыцарь. Скоро Самайн, а за ним, до самого Йоля – время, которое принадлежит тьме. Грань между мирами тонка, как никогда, в эти дни. Лишь глупец начинает войну в такое время. Будет битва, и пролитая кровь потревожит завесу, делая ее еще более тонкой. Разрывая ее в клочья. Ты должен обязательно проследить, чтобы Хендрик выжил. Не отходи от него ни на шаг. Когда битва отгремит, ты приведешь его в развалины Каэр Сейнта и там убьешь. Оружием, что я дала тебе, – Повелительница чар коснулась рукоятки того самого кинжала, которым Гэрис пролил свою кровь, призывая ее сюда. – Надеюсь, твоя рука не дрогнет.

– Хендрик был моим королем, – сказал Гэрис хрипло. – Он был мне ближе брата.

– Он начал войну, которая едва не погубила тебя. Он тщеславен и глуп. Я едва спасла тебя, а теперь ты защищаешь своего убийцу?!

– Я сам был таким же, как он. Когда мы ехали на эту войну, мы только и делали, что мечтали о подвигах и воинской славе. Сколько раз Клифф ходил набегами на наши окраинные графства! Не мы начали эту войну, но мы могли ее закончить. Когда я приехал сюда, я был готов убить его за поражение, которое он на нас всех навлек. Собственными руками вырвать сердце у него из груди. Но сегодня я говорил с ним. Он тот же человек, которого я всегда знал. Я не смогу так с ним поступить.

– Сможешь, – голос Кэран сделался тверд, и холоднее полярной звезды был ее взгляд. – Когда я отпускала тебя, ты желал отомстить – так дай этой мести исполниться. Хендрик слаб и глуп. Он не может командовать армией и вести войны. Один раз он уже покрыл себя позором. Он виновен в том, что ты едва не погиб. Он алчет только славы, и погубит твое королевство. Покончи с ним – и распорядись этим королевством сам. Приведешь ты гарландцев к рабскому ярму или заключишь с ними мир – в любом случае ты сделаешь это мудрее и правильнее, чем он. Ни один воин не должен служить такому государю, как этот. Ты доставишь Хендрика в Каэр Сейнт, в самые темные дни самого темного времени года, и пронзишь его сердце зачарованной сталью.

– Ты хорошо рассуждаешь тут о всеобщем благе, – сказал Гэрис с ядом, – но не станем забывать, что в первую очередь тобой движет желание сделать лучше для себя.

– Как и всеми нами, – кивнула Кэран. – Каэр Сиди – великое место Силы. Его построили повелители эльфов, будучи на вершине могущества. Стоя здесь, я ощущаю дальнее эхо этой Силы, и неправильно оставлять ее спящей. Кто владеет Вращающимся Замком, тот владеет миром. Я знала и прежде, что это могучее место – но сейчас его мощь сводит меня с ума.

Моя мать, и моя бабка, и сотня поколений до них скрывались в глуши и безмолвии – но пришло время нам всем выйти из тени. В Каэр Сиди вступали на престол Владыки Холмов – а в Каэр Сейнте находятся их усыпальницы. Хендрик рожден от древней крови, он Фэринтайн по матери – и он был коронован во Вращающемся Замке, как законный владыка этой земли. Ты должен принести его в жертву. Там, среди усыпальниц государей, куда более великих, чем он сам. Нити заклинаний связывают оба этих замка. Когда кровь Хендрика Фэринтайна прольется на жертвенный алтарь – врата откроются, завеса падет, и древние силы будут свободны. Я заберу их себе – все, без остатка. По праву наследства я ношу титул Повелительницы чар – но это лишь пустое название. Когда ты исполнишь свой долг, самые сильные чары мира и впрямь будут мои.

– Если Хендрика лишила разума жажда славы, то ты куда безумней его, – пробормотал Гэрис.

Когда он только начал выздоравливать, Кэран сказала ему, что отправит его обратно в Каэр Сиди. Что у нее есть для него важная миссия, и для исполнения этой миссии ему придется убить своего короля. Тогда Гэрис горячо согласился на это условие. Он был безумно зол на Хендрика и видел в нем причину всех своих бед. Ненавидел его, сам бредил мстостью. Однако теперь его решимость ослабла. Он не был уверен, что желает стать палачом, ведущим собственного сюзерена на бойню.

«Езжай в Таэрверн, – сказала она ему тогда, провожая в дорогу. – Найди Хендрика. Войди ему в доверие. Призови меня – я смогу прийти к тебе в любое место, в котором ты прольешь древнюю кровь этим клинком. Тогда я расскажу тебе, что делать дальше».

– Ты безумна, – повторил Гэрис.

– Я всего лишь та, кто я есть. Я прячусь в темных подземельях и пещерах, пока невежественные глупцы распоряжаются судьбами народов. Я учу тебя магии, потому что верю – ты один из немногих, кто ее достоин. Мир создан для нас и таких, как мы, а не для жалких дураков, опьяненных тщеславием. И мы возьмем этот мир себе. Ты будешь распоряжаться людьми, а я – силами, что превыше людей. Но мне нужна твоя помощь, ведь и у моих возможностей есть пределы. Сама я не смогу завлечь его в нужное место. Ты должен мне помочь. – Кэран подошла к нему и прижалась. Обхватила его шею руками, запечатлела на губах поцелуй. Гэрис ответил на этот поцелуй – сначала почти нехотя, потом со все большим жаром. Он считал ее безумной – и одновременно любил. Наверно, они оба были сейчас немного безумны.

– Отринь сомнения, они делают тебя слабым, – сказала Кэран. – Пожалуйста. Я умоляю тебя. Я провела годы в своем одиночестве, пока ждала кого-то, кто сможет мне помочь. Ты тот самый человек. Без тебя я не справлюсь, а я должна справиться. Ради наших предков, ради нашего общего наследия. Магию нельзя оставлять спящей – мы должны вернуть ее миру. Убей Хендрика, а потом я верну тебе твое лицо и отдам трон. Нам обоим, Гилмор Фэринтайн, пора занять причитающееся нам место.

Глава пятая

– А ты славный малый, – сказал Джеральд Лейер, отпивая вина. – Я сперва думал, ты плебей и трус.

– Спасибо на добром слове, – проворчал Дэрри.

– Нет, правда. Сам знаешь, людей судят по первому впечатлению, а на турнире ты показался мне проходимцем. Сеньор твой непонятно откуда взялся, к тому же. Теперь я понимаю, что вы храбрые ребята – оба.

– А мне сначала было все равно, – пробормотал Гленан. – А потом надоело смотреть, как Томас всех вокруг задирает.

– Как вы вообще сошлись с этим уродом? – спросил Дэрри.

– У него богатый отец, – пояснил Гленан, – а моя семья давно разорилась. Живя в столице, ты либо находишь себе покровителя, либо идешь ко дну.

– Однако, ты нашел в себе смелость послать его в пекло.

– У меня все же осталась честь. Хоть какая-то.

Они остановились в корчме «Ни нашим, ни вашим», расположенной на полпути между Жестяным кварталом и Верхним Городом. Было здесь попримечнее, чем в заведении матушки Фролл, но все-таки не совсем уж прилично. Было здесь грязновато, тревожно и шумно, в воздухе пахло пьяными кутежами и шальным весельем.

– И в такие места ходят дворянские сынки? – спросил Дэрри, скосив глаза в сторону бандитского вида компании, галдящей подле очага.

– Ты очень многого не знаешь о дворянских сынках, поверь, – сказал ему Гленан.

– Охотно верю. Сам ведь я не дворянский сынок.

– Раз уж речь зашла, – вставил Джеральд. – Мне показалось, ты отзываешься о людях благородного сословия с неприязнью, почти с презрением.

– Есть такое. И в самом деле отзываюсь, – спокойно согласился Дэрри. – Люди благородного сословия презирают простолюдинов навроде меня. Вот и приходится платить им той же монетой.

– И твой лорд не оттащует тебя за уши за подобную дерзость?

– А он никакой не лорд. Его дед был лесником, а отец получил рыцарское звание за воинскую доблесть. Сэр Гэрис грубоват, но зато не чванлив.

– А ведь знаешь, – сказал ему Джеральд, – и мои предки сто двадцать лет назад были простыми солдатами. В нашей стране почти не осталось древней аристократии. Лишь несколько фамилий, связанных кровными узами с фэйри или с королевским домом. Большинство старых семей либо обеднело, – он бросил быстрый взгляд в сторону Гленана, – либо пресеклось в войнах. Последнюю сотню лет Эринланд только и делал, что воевал. Теперь любой храбрец может стать лордом – если повезет, конечно.

– Именно об этом, – усмехнулся Дэрри, – я и думал, когда сбежал из дома.

Гленан и Джеральд оказались вовсе не такими уж плохими ребятами, как представлялось Гледерику поначалу. С ними нашлось, о чем поговорить и какие байки припомнить, и держались эти юные дворяне уже гораздо менее заносчиво, чем при первом, неудачном с ними знакомстве. Джеральд знал, как выяснилось, уйму забавных и непристойных историй из жизни местного высшего света, и охотно их пересказывал, порой, кажется, ради пущей выразительности слегка привирая. Гленан все больше помалкивал – иногда, впрочем, вставляя в разглазгования Джеральда язвительные комментарии. Сильно разговорчивым отпрыск графов Кэбри не казался – но это было вызвано скорее природной замкнутостью характера, нежели аристократическим высокомерием. И Гленану, и Джеральду сделалось уже совершенно наплевать на происхождение их нового товарища. Выпивка, по всей видимости, сближает.

Молодые люди проторчали в корчме еще чуть больше двух часов, начав с сухого красного вина и продолжив темным пивом, а потом Джеральд заявил, что его ждут в другом месте, и откланялся. Он при этом едва держался на ногах, его ощутимо пошатывало. Как объяснил Джеральд, направлялся он к девушке. Дэрри мысленно пожелал сыну барона Лейера не свалиться по дороге ни в какую канаву.

– В какую таверну двинемся теперь? – спросил Дэрри Гленана, застегивая плащ и надевая перчатки.

– Ни в какую. Возвращаемся в Каэр Сиди, там и разживемся выпивкой. Это если ты, конечно, не хочешь завтра днем очнуться в какой-то грязной луже без кошелька и сапог.

– Точно. Я ведь и забыл, что у меня теперь имеется кошелек. Хотя если мы продолжим так кутить, – Дэрри хмыкнул, – опустеет он быстро. Раньше ведь, знаешь, – сказал юноша почти с вызовом, – это я срезал кошельки с подвыпивших лордиков наподобие тебя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.